

Владислав **КРАПИВИН**

МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ

Паруса «Эспады»

Владислав Крапивин
Мальчик со шпагой

«наследники Крапивина»

1975

Крапивин В. П.

Мальчик со шпагой / В. П. Крапивин — «наследники Крапивина», 1975 — (Паруса «Эспады»)

ISBN 5-227-01631-3

В первую книгу трехтомника «Паруса «Эспады» вошел роман-трилогия «Мальчик со шпагой» — произведение, еще в семидесятых годах, сразу после выхода в свет, получившее статус культового. По образу и подобию пионерского отряда «Эспада», изображенного в романе, по всей стране стали создаваться внешкольные детские объединения. По мотивам книги были сняты телесериалы «Всадники на станции Роса» и «Мальчик со шпагой» (к сожалению, сейчас их посмотреть невозможно — записи не сохранились).

ISBN 5-227-01631-3

© Крапивин В. П., 1975

© наследники Крапивина, 1975

Содержание

***	5
Часть первая	6
1	6
2	10
3	14
4	18
5	22
6	25
7	30
8	36
9	39
10	43
Часть вторая	48
1	48
2	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Владислав Крапивин

Мальчик со шпагой

РЕБЯТА, в этой книге рассказывается о мальчишке, который очень верил в дружбу, в честность и доброту. И считал, что все люди должны быть справедливыми друг к другу. А ещё он верил в свою сказку про всадников, которые приходят на помощь в очень трудные минуты. Верил так крепко, что не сказочные, а настоящие всадники в звёздных шлемах при-мчались ему на выручку, когда случилась беда...

Когда журнал «Пионер» печатал повести об этом мальчишке – Серёже Каховском, – в редакцию приходили письма. Мальчишки и девочки писали Серёже, просили его адрес, очень хотели с ним подружиться.

А отвечать на письма пришлось мне.

Дело в том, что такого Серёжи, по фамилии Каховский, я не знал.

Кое-кто из читателей, наверное, обидится: «Значит, нас обманули!» Нет, ребята. Просто в книгах не описывается всё в точности, как случилось в жизни. Ведь и художник, когда рисует картину, не делает её похожей на фотоснимок.

Серёжи Каховского не было. Не было и отряда с названием «Эспада». Но всё время, когда я писал «Мальчика со шпагой», рядом со мной были ребята, очень похожие на Серёжу. Рядом со мной, вместе со мной рос и работал, шагал через поражения и радовался победам такой же, как «Эспада», пионерский отряд – отряд юных моряков, юнкоров и фехтовальщиков.

Я точно знаю: не будь этих ребят – не было бы и «Мальчика со шпагой».

И потому эту книгу я посвящаю своим лучшим друзьям:

*матросам, подкиперам и барабанищикам, штурманам и капитанам,
флаг-капитанам и флагманам отряда «Каравелла».*

Владислав Крапивин

Часть первая

ВСАДНИКИ НА СТАНЦИИ РОСА

1

Хорошее было у станции название. Очень для нее подходящее. Мальчик пришёл сюда рано утром, и, пока он брёл от дороги к домику, брюки у него до колен вымокли от росы. Потому что кругом стояли высокие травы и на них дрожали крупные водяные шарики. В шариках зажигались огоньки: малиновые, золотые, синие.

Мальчик подошел к скамейке, поставил чемодан, бросил на него потертую рыжеватую курточку, сел и стал ждать поезд.

Ждал он долго и терпеливо.

Огоньки в траве давно погасли, пришёл июльский безоблачный полдень.

Станционный домик стоял среди лопухов и высокой овсяницы. Он был небольшой, светло-коричневый, с белыми кружевными карнизами. На острой башенке весело торчал жестяной петух. Он будто высматривал, не спешит ли сюда из-за дальних лесов какой-нибудь поезд. Но поезда появлялись редко: станция располагалась не на главной дороге, а на боковой ветке.

У крыльца, в палисаднике, стояла гипсовая скульптура: мальчик и жеребенок. Низенький постамент скрывался в траве, и можно было подумать, что мальчик с жеребенком стоят прямо на земле. Будто они играли на соседнем лугу и на минутку забежали на станцию взглянуть на круглые часы: не пора ли обедать? Наверно, было еще не пора, потому что они затевали новую игру. Мальчик правой рукой обнял жеребенка за шею и чуть нагнулся, словно хотел что-то ему на ухо прошептать. Жеребенок стоял смирно, однако в каждой жилке его звенело нетерпение. Он будто говорил: «Я тебя люблю и слушаюсь, но давай поскорее перестанем шептаться и пойдем еще поскачем».

Так, по крайней мере, казалось маленькому пассажиру. Ему нравились гипсовые мальчик и жеребенок, чем-то похожие друг на друга – оба тонконогие, ловкие и, конечно, веселые, – и он смотрел на них как на товарищей. И даже немного им завидовал. Но все-таки они были не настоящие.

Мальчик на скамейке вздохнул и перевел взгляд.

Дверь в дом была открыта. В маленьком, станционном зале гроыхала ведрами пожилая уборщица. За домом поднимался зеленый солнечный бугор с редкими и очень прямыми березами. За березами виднелись крыши и антенны дачного поселка. Еще дальше темнел сосновый лес. Он огибал станцию с трех сторон. А на юге, за рельсовой линией, уходили к реке светлые луга и кустарники.

Было жарко и тихо (только ведра погромыхивали). Пахло смолой и гудроном от разогретых шпал.

Из-за бугра пришёл серый клочкастый пес. Ростом с козу. У него были полустоячие уши, толстые лапы и озабоченная морда. Он сунулся было в дверь, но увидел уборщицу и попятился, поджав похожий на веер хвост. Улизнув от двери, пес принял независимый вид и деловито оглянулся. Тут он заметил мальчика.

С полминуты они разглядывали друг друга с любопытством и чуть настороженно. Потом пес медленно двинулся к мальчику и остановился в трех шагах.

– Чего тебе? – сказал мальчик. Сказал не сердито, а с неловкостью, как говорят с маленькими детьми, когда не умеют с ними обращаться и боятся обидеть.

Пес нерешительно махнул хвостом. Один раз.

Мальчик чуть улыбнулся. Щелкнул замком чемоданчика и поднял крышку. Пес сделал еще шаг, торопливо сел, наклонил голову и совсем по-человечьи моргнул. Мальчик вынул газетный сверток с дорожным запасом. Это были два ломтика хлеба, а между ними – котлета. Песий хвост засвистел и замелькал, как пропеллер, с пушистых одуванчиков стайками взлетели семена-парашютики и осели у мальчика на брюках. Он засмеялся, разломил котлету и бросил половину псу.

Мальчик думал, что кусок моментально исчезнет в собачьей пасти. Но пес, получив угощение, перестал вертеть хвостом, лег и начал жевать котлету, деликатно придерживая лапой. При этом поглядывал на мальчика благодарно и хитровато. Другую половину котлеты мальчик съел сам.

Потом они поделили хлеб. Он был не такой вкусный, как котлета, но пес охотно сжевал весь кусок и выразительно посмотрел на мальчика: «Нет ли еще?»

– Все, – сказал мальчик.

Пес глазами показал на газету: «А это?»

– Это же просто бумага. Видишь? – Мальчик повертел перед ним смятый газетный лист.

Пес не прочь был пожевать и бумагу, пропитанную таким вкусным котлетным запахом, но мальчик не понял. Он скомкал газету и оглянулся: куда бы кинуть? Кругом было чисто. В траве палисадника и на дорожке мальчик не заметил ни окурков, ни бумажных клочков. К тому же сердитое побрякивание ведер напоминало, что мусорить на станции не следует. Уборщица уже вымыла пол внутри дома и мыла крыльцо. Мальчик подошел к ступеням.

– Скажите, пожалуйста, куда можно бросить бумагу?

Уборщица выпрямилась и глянула с высоты. Она сделала вид, что лишь сию секунду заметила мальчика, хотя давно украдкой наблюдала за ним. Она знала, что от мальчишек добра не бывает. Бывают лишь вытоптанные клумбы, шум, беспорядок, а то и окурки по углам. Она привыкла обходиться с этим народом сурово. Но сейчас привычка боролась в ней с симпатией к незнакомому парнишке – спокойному, удивительно ясноглазому, не похожему на скандальных поселковых пацанов.

Наконец она снисходительно сказала:

– Если уж так порядок любишь, снеси вон туда, за угол. Там мусорный ящик есть.

Он кивнул и неторопливо зашагал по тропинке, протоптанной вдоль кирпичного фундамента. Пес неодобрительно взглянул на уборщицу и пошел за мальчиком. Они свернули за угол.

Уборщица смотрела мальчику вслед. «Ишь какой, – думала она со скрытым удовольствием. – Не хулиганистый, ладненький мальчонка. Родители, видать, культурные...»

Потом она взглянула на скамейку, где мальчик оставил вещи. Курточка сползла со спинки и свалилась в траву. Женщина вытерла о подол руки, спустилась с крыльца и подняла куртку. «Из лагеря возвращается, – подумала она. – Чего же это он один-то? Самостоятельный...»

...К большому огорчению пса, мальчик бросил вкусную газету в побеленный дощатый ящик и хлопнул крышкой. Пес вздохнул и сел.

– Что вздыхаешь? – спросил мальчик. – У тебя тоже неприятности?

Пес замахал хвостом. Он как бы говорил: «Неприятности – чушь. Если хочешь, я готов быть веселым».

– Ты смешной, – сказал мальчик. – Ушастый, хвостастый, блохастый.

Пес наклонил набок голову. Одно ухо встало у него торчком, а другое совсем упало и закрыло глаз.

Мальчик засмеялся:

– Чучело репейное. Как тебя зовут?

Пес вдруг подскочил и припал на передние лапы. Он приглашал поиграть. Морда у него стала дурашливая и озорная.

– А ты меня нечаянно не слопаешь? – спросил мальчик.

Пес замотал головой так, что уши захлопали: «Ни в коем случае!»

Мальчик шлепнул его по косматому загривку:

– Ты ляпа! Догоняй! – и помчался по траве.

Разинув большую розовую пасть, пес рванулся за ним. Он тут же догнал мальчика и постарался ухватить его за ногу. Мальчик споткнулся и полетел в упругие заросли репейника. Пес вцепился в его штанину. Обрадованно заурчал. Но при этом косился золотистым взглядом: «Тебе не больно? Ты не ушибся?»

– Эй-эй! – крикнул мальчик. – Брысь со своими зубами! Не имеешь права!

Он тряхнул ногой и вскочил. Пес отпрыгнул и ждал, махая хвостом.

– Смотри, что ты грызешь, – укоризненно сказал мальчик. – Мои заграничные штаны. На них твой портрет, а ты – зубами...

Он повернулся к собаке задним карманом. Карман украшала кожаная заплата с отпечатанной головой овчарки и буквами «Szagik». Это был знаменитый Шарик из польского фильма «Четыре танкиста и собака». Но кудлатый станционный пес не смотрел многосерийных телефильмов, и ему было все равно. Он снова примерился, как бы сцапать мальчика за штанину.

– Ах, ты так?!

Мальчик прыгнул к нему и хотел повалить в траву, но пес увернулся и зигзагами бросился наутек.

– Догоню! – крикнул мальчик.

И правда догнал, хотя и не сразу. Хлопнул пса по кудлатой спине:

– Ты опять ляпа! А ну, поймай!

И пес бросился за ним... Он понял, что такое игра в «ляпки»...

Наконец они устали. Мальчик сел на старую шпалу в тени красной трансформаторной будки, похожей на часовенку. Пес встал перед ним, вывесил язык и моргал желтыми глазами.

– Ты хороший, – сказал мальчик. – Ты совсем не чучело. Я пошутил.

Пес одобрительно задышал, подошел вплотную и сунул морду мальчику под мышку.

– Пойдем, – сказал мальчик. – Вдруг у меня украли чемодан со скамейки? Тогда мы с тобой бросимся по следу и поймаем преступников. Согласен?

Пес был на все согласен. Они пошли в станционный скверик. Чемодан оказался на месте, куртка тоже. Да и кто их мог взять? На всей станции, кроме мальчика, было всего три человека: в глубине дома дремал пожилой дежурный, в комнатке с квадратным окошечком шелестела журналом кассирша, а недалеко от крыльца чистила медный колокол уборщица. Она стояла на табурете и драила колокол тряпкой с белым порошком. Солнце отражалось в начищенной меди, как большая лучистая звезда.

Мальчик и пес подошли, и уборщица глянула на них неласково. Теперь мальчик не казался ей таким уж культурным и воспитанным. Был он помят и взъерошен, на рубашке и брюках висели серые шарики репейника, в спутанных светлых волосах торчали мелкие листики и обрывки травы.

– Извините, – сказал мальчик. – Вы не знаете, как его зовут? – Он притянул к себе пса за шею.

– Этого-то зверя? – спросила уборщица хмуро и пренебрежительно. – Да никак его не зовут. Как его звать, если он бесхозный? Как хошь, так и зови. Он на все откликается, лишь бы кормили.

– Значит, он ничей?

– Может, и был чей, а сейчас не поймешь. Ребяшня притащила откуда-то, а в дом никто не пускает. Кусок кой-когда кинут, ну и все... Кто Полканом кличет, кто Жучкой, кто Фантомасом.

– Спасибо, – сказал мальчик. Ему хотелось еще что-то спросить, но он не решался.

Псу было неуютно тут, рядом с сердитой женщиной, у которой в руках тяжелая тряпка. Он переступал передними лапами и нетерпеливо поглядывал на мальчика: «Пойдем отсюда, а?»

– Извините, что я вас отвлекаю, – сказал мальчик. – Я только хотел спросить: если его здесь не будет, о нем никто не станет беспокоиться?

– Да кому он нужен-то? Все равно когда-нибудь пристрелят за то, что кур гоняет.

– Видите, почему я спрашиваю... Я хочу его взять к себе домой, если он правда ничей.

– Такую лахудру? – изумилась уборщица. – Да мать-то вас обоих из дому веником выгонит!

Мальчик тихо сказал:

– Что вы! Никто не выгонит. Значит, я могу его взять?

– Да забирай на здоровье. Такое сокровище...

– Спасибо, – еще раз сказал мальчик и отступил к своей скамейке.

2

Человек устроен так, что ему обязательно нужен приют. Если он едет в вагоне, то привыкает к своей полке, и ему кажется, что эта полка – его маленький дом. Если он устраивается на ночлег в лесу под сосной, то сразу начинает отличать свою сосну от других: это дерево приютило его, и оно теперь ему ближе, привычнее, чем остальные.

Так и скамейка. Мальчик провел на ней почти полдня и привык.

Скамейка была сколочена из длинных деревянных брусков и покрашена в зеленый цвет. Давно покрашена. Бруски потрескались, краска отскакивала от дерева острыми сухими пластинками. Мальчик, пока сидел, потихоньку отколупывал их вокруг того места, где было вырезано слово «Алеша». Ему почему-то казалось, Алешей зовут гипсового парнишку. Мальчик поглядывал на него, но тот был занят, конечно, своим жеребенком.

Иногда мальчик вставал, чтобы напиться воды из бачка в пустом зале ожидания или погулять вокруг станции, а потом снова возвращался на скамейку, под ветки желтой акации – как домой. И снова сидел: ждал, когда пройдут долгие шесть часов и появится поезд.

Ему казалось, что ждет он очень давно, целую неделю. И целую неделю видит перед собой этот железнодорожный теремок, жестяного петуха на крыше, медный колокол и белую эмалированную табличку с синей надписью «ТЕЛЕФОНЪ» (сразу было понятно, что висит она тут с незапамятных времен, когда бегали по здешним рельсам паровозики, похожие на самовары).

У мальчика была привычка: от скуки читать все надписи задом наперед. Но слово «телефонъ» мальчик не мог прочитать наоборот из-за твердого знака. И от этого делалось еще скучнее.

Так было, пока не пришёл пес.

Пес оказался добрый и веселый. И когда мальчик понял, что эта ничья собака стала теперь его и не надо никогда с ней расставаться, все прошлые горести показались ему пустяками.

Он подвел пса к своей скамейке.

– Мы будем жить вместе. Понял? Ты меня не бросишь?

Пес фыркнул, чихнул и замотал головой: то ли семя одуванчика влетело ему в ноздрю, то ли вопрос мальчика показался оскорбительным.

– Молодец ты, умница. Только как мы с тобой поедem в поезде? Подожди-ка...

Мальчик достал из кармана складной ножик и расстегнул брючный ремешок. Ремень был длинный и опоясывал худенького хозяина почти два раза. Мальчик отрезал лишний конец. Затем проколол в отрезанном куске несколько дырок, вытащил из другого кармана колечко медной проволоки, протянул ее сквозь отверстия.

– Ну-ка, давай голову, примерю ошейник.

Пес отнесся к приглашению без восторга. Но не спорил. Он терпеливо ждал, когда мальчик закрепит у него на шее непонятную штуку.

– Ну вот, – с удовольствием сказал мальчик. – Теперь ты не бродяга, а вполне законная собака. И ничего, что ты худой и кудлатый. Ты еще станешь гладкий и красивый, когда подрастешь. Ты ведь еще не взрослый, хотя и большой. Ты почти щенок.

При последнем слове пес торчком поставил оба уха и моргнул.

– Ще-нок... – ласково повторил мальчик.

Пес переступил, передними лапами и усиленно замахал хвостом.

Мальчик засмеялся:

– Нравится? Я и буду звать тебя Ще-Нок. А когда вырастешь, «Ще» мы отбросим.

Он вытащил из чемодана, из-под маек и рубашек, старенькие кеды, выдернул из них шнурки. Потом соединил шнурки узлом и один конец привязал к ошейнику. Поводок полу-

чился непрочный, но он ведь и нужен был только для вида: пес, по имени Ще-Нок, и без привязи не отходил от своего хозяина ни на шаг.

– Пошли, – сказал мальчик.

Они отправились к кассе, и мальчик вежливо побеспокоил молоденькую кассиршу, увлеченную журналом мод:

– Скажите, пожалуйста, для собаки надо брать билет?

– А как же! Если до города – тридцать две копейки.

Мальчик обрадованно подмигнул псу: денег хватало. Теперь они оба станут пассажирами. Билет – это документ. Это доказательство, что Нок в самом деле его собака.

Он взял пса за ошейник.

– Пошли, товарищ пассажир.

И в этот момент мальчик увидел у своей скамейки человека.

Мальчик совсем не хотел с ним встречаться. Это был физрук лагеря Станислав Андреевич. Конечно, оказался он здесь неспроста.

Физрук пока не видел мальчика. Но все равно нельзя было ни спрятаться, ни убежать. Убегает и прячется тот, кто виноват. Или тот, кто боится. А мальчик знал, что не виноват, и не боялся. Правда, он испытывал тоскливое чувство: смесь унылой тревоги и досады, но это был совсем не страх.

Придерживая пса, мальчик медленно подошел к скамейке.

– А-га... – растянуто сказал Станислав Андреевич. – А то я смотрю: вещички здесь, а хозяина нет... Ну как? Набегался?

– Я не бегал.

– Ну... нагулялся, значит, – сказал физрук примирительно.

– Я не гулял. Я поехал домой, вы знаете.

– Смотри-ка ты, домой! – воскликнул Станислав Андреевич почти весело. – Ладно, друг, кончай дурака валять. И давай топать в лагерь, а то к обеду не поспеем. Да не бойся, ничего тебе не будет, это я по секрету могу сказать.

Мальчик удивился:

– «Не будет»? Я и не боюсь, что «будет». Я просто решил уехать домой.

– Обиделся!

Мальчик вскинул глаза:

– А что? Человек не имеет права обижаться?

– Человек... Если всякий будет на ерунду обижаться да из лагеря бегать, что тогда?

– Во-первых, это не ерунда, – четко сказал мальчик. – Во-вторых, я не убегал. Я сказал, что уйду, и ушел. Начальник сам говорил: «Убирайся!»

– А ты и обрадовался! Мало ли что человек может сгоряча сказать! Может, ты хочешь, чтобы он у тебя прощения попросил?

Мальчик подумал:

– Нет, не хочу. Да он и не будет.

– Слава богу, догадался. Сам во всем виноват, а еще выкаблучиваешься.

– Я? Виноват? – опять удивился мальчик.

Станислав Андреевич вздохнул и сказал добродушно:

– Ну ладно, парень. Не будем спорить, кто виноват. Я про эту историю подробно и не знаю. Мне что нужно? Чтобы ты в лагерь вернулся.

Мальчик мотнул головой:

– Не вернусь я... Теперь я уж совсем не могу, даже если бы и хотел. Видите, у меня собака. Куда ее девать? В лагерь ведь не пустили бы... Нок, лежать! – Он ладонью нажал псу на загривок, и тот неохотно лег.

Физрук с усмешкой спросил:

- Где ты подобрал эту зверюгу?
- Подарили.
- Ну и подарочек... За версту видно, что он дурак и трус.
- Мне и такой хорош, – сдержанно сказал мальчик.

Станислав Андреевич щелкнул языком. Пес шевельнул хвостом, добродушно разинул розовую пасть и вопросительно глянул на мальчика. Тот сделал шаг вперед, словно хотел заговорить собаку от чужого человека.

- Выходит, ты променял весь лагерь на бродячего пса, – сказал Станислав Андреевич.

Мальчик слегка растерялся:

– Да ничего я не менял... Ну при чем здесь ваш лагерь? Он без меня проживет. А собака не проживет. Мне ее отдали, значит, я за нее отвечаю.

– А за тебя отвечает коллектив. И администрация, – внушительно сказал физрук. – И покидать лагерь ты не имеешь права.

- А почему?

– Потому что порядок должен быть. Вот пускай приедут родители, напишут заявление, что хотят забрать тебя, и тогда – до свидания.

- Как же они приедут? Они не знают...

- Напиши им.

- «Напиши»... – насмешливо откликнулся мальчик.

– Да ладно тебе, – кисло сказал Станислав Андреевич. – Ты много о себе воображаешь. Думаешь, будто кому-то нужны твои письма! Если хочешь, можешь и это отправить, оно у меня. Тихон Михайлович велел отдать. Хоть сейчас опускай в ящик, вон он висит.

- Давайте, – быстро сказал мальчик.

Физрук протянул ему помятый конверт. Мальчик сложил его пополам и сунул в карман.

- Ты опускай, опускай в ящик-то.

– Зачем? – хмуро сказал мальчик. – Оно два или три дня будет идти. А сам я сегодня вечером буду дома.

Станислав Андреевич насупился и тяжело произнес:

– Не будешь ты дома... вечером. Ты эти шуточки играть со мной перестань. Мне директор сказал, чтоб тебя в лагерь доставить. Я доставлю, будь спокоен.

– Как? – удивленно спросил мальчик. – Разве я посылка или багаж? Ну как вы меня доставите, если я не хочу?

- А очень просто!

Станислав Андреевич шагнул к скамейке, левой рукой подхватил чемоданчик и куртку, а правой взял мальчика за локоть.

В первую секунду мальчик замер от неожиданности: никогда в жизни ему не приходилось еще испытывать на себе злую силу взрослого человека. В следующий миг напрягся он, чтобы рвануться со всей обидой и яростью! Но тут же почувствовал: напрасно. Пальцы физрука – сильные, загорелые, с белыми волосинками и короткими ногтями – охватили тонкую руку мальчика с каменной прочностью. И он отчетливо понял, что выхода нет. Сейчас этот человек в самом деле уведет, утащит его отсюда, и никто не заступится. Если кто-нибудь и встретится по дороге, то поверит, конечно, взрослому, а не мальчишке, у которого сто грехов: нарушил дисциплину, сбежал из лагеря, не слушает старших...

«Но ведь это неправда! Как вы смеете! Вы же не имеете права!» Мальчик хотел крикнуть эти слова, но помешали закипающие слезы. Отчаянные слезы готовы были прорваться вместо слов. Но в этот миг сзади раздался короткий хриловато-горловой звук.

Мальчик и физрук разом обернулись.

Пес уже не лежал. Он стоял на широко расставленных лапах. Это был совершенно незнакомый пес – со вздыбленным загривком и глазами хищника. Верхняя губа у него некрасиво сморщилась и открыла очень белые зубы.

Мальчик опомнился первым. И торопливым шепотом сказал:

– Отпустите меня, он же бросится.

Пальцы словно оттаяли: стали мягкими и скользнули с локтя.

Радость мальчика была как теплый толчок. Он коротко засмеялся.

– Нок, – сказал он. – Ничего, Нок. Спокойно, Нок...

Пес шевельнул хвостом, но по-прежнему неотрывно смотрел на Станислава Андреевича, и шерсть на загривке не опускалась.

Мальчик подошел и взял Нока за ошейник.

Станислав Андреевич медленно отступил на три шага. И проговорил:

– Бешеный... Пристрелить его надо такого. И сам ты тоже псих. Ну, черт с тобой. Вот напишут тебе в школу такую характеристику, что на всю жизнь запомнишь.

Он отступил еще на несколько шагов. Потом осторожно повернулся и зашагал по тропинке к шоссе.

– Оставьте мои вещи, – сказал вслед мальчик.

Станислав Андреевич замедлил шаги, но не остановился. Он словно раздумывал: отдать чемодан или унести в лагерь? Может быть, тогда мальчишка сам прибежит?

Мальчик вспомнил его каменные пальцы, и опять нахлынула обида. Но это была уже не беспомощная обида. Глядя вслед уходящему человеку, мальчик звеняще повторил:

– Оставьте вещи!

Станислав Андреевич остановился, уронил в траву чемоданчик, куртку и опять зашагал. Не оглянувшись.

Пес посмотрел на мальчика, приоткрыл пасть и коротко задышал.

– Нок, – сказал мальчик. – Он ведь сам виноват. Верно?

И подумал: «Хорошо, что я не успел заплакать».

Потом он потянул Нока за ошейник и, опустив голову, пошел к брошенным вещам. Шел он очень медленно. И так же медленно возвращался. Лишь в нескольких шагах от скамейки он поднял глаза и увидел, что там сидит незнакомый мужчина.

Мужчина улыбнулся и сказал:

– Добрый день, Серёжа.

3

Если бы он просто сказал «добрый день», было бы не удивительно. Ведь когда на пустой станции встречаются два человека, неудобно смотреть друг на друга молча. Но незнакомец назвал мальчика по имени. И мальчик встревожился, боясь новой опасности.

– Здравствуйте, – напряженно сказал он.

Все так же улыбаясь, мужчина объяснил:

– Ну что ты удивился? Я прочитал твои анкетные данные на чемодане. Вон какой у тебя опознавательный знак.

Действительно, к боковой стенке чемоданчика был приклеен бумажный квадратик с печатными буквами: «Серёжа Каховский, 5-й отр.».

– Правда, я и не догадался, – облегченно сказал Серёжа. Он отпустил Нока и начал ногтями соскабливать с чемодана бумажку. Нок улегся рядом со скамейкой и вопросительно поглядывал на хозяина.

Серёжа украдкой посмотрел на незнакомца. Тот сидел, неудобно согнув длинные ноги и откинувшись на спинку скамьи. На коленях у него лежала замшевая куртка, а правым локтем он придерживал пузатый желтый портфель. У незнакомца было длинное лицо с круглыми складками у рта, редкие волосы и длинные залысины. Он улыбался, показывая большие пороченные зубы.

«Дон Кихот с портфелем», – подумал Серёжа. Подумал без насмешки. Дон Кихот (не этот, а настоящий, из книжки) ему нравился. А у этого «Дон Кихота» ему понравилась улыбка, хотя она могла показаться некрасивой и походила на улыбку лошади.

– Из лагеря возвращаешься? – спросил незнакомец.

– Да... – вздохнул Серёжа. – Возвращаюсь...

– Любопытно. Неужели ты и красавца этого из лагеря везешь? – Мужчина подбородком показал на Нока.

– Нет. Я его здесь... Ну, в общем, его мне подарили.

– А, понятно. Славный пес. Главное, порода хорошая.

Серёжа удивленно посмотрел на «Дон Кихота». Тот опять улыбнулся и повторил:

– Хорошая. Типичная среднерусская дворняга.

Серёжа сказал слегка обиженно:

– Пускай. Мне породистая и не нужна. Зато он верный.

«Дон Кихот с портфелем» перестал улыбаться.

– Я ведь не смеюсь, – объяснил он. – Такие вот дворняги очень часто бывают умнее породистых псов. Я знаю одну девочку, у нее совершенно беспородная собака первое место заняла на областной выставке. За выучку. Я про них писал – про хозяйку и про собаку эту, про Берту.

Серёжа перестал соскребать наклейку и выпрямился. И тихо спросил:

– Вы писатель, да?

– Ну почему писатель? Я журналист. В редакции работаю... Видишь, поэтому я и любопытный такой. Как говорится, профессиональное качество...

– А... – сказал Серёжа и вздохнул.

– Почему "а"? – спросил мужчина слегка ревниво. – В том смысле, что понятно, отчего я любопытен? Или жаль, что не писатель?

– Что не писатель, – честно сказал Серёжа. – А то я хотел спросить...

– Д-да... А может быть, спросишь? Я кое-что в писательских делах понимаю. Или нельзя?

– Да нет, можно. Я просто узнать хотел... – Серёжа замолчал, передвинул чемоданчик, присел на него и, глядя снизу вверх на «Дон Кихота», спросил: – Писатели про многое про-

сто выдумывают, верно? Особенно фантастику или сказки. И ведь никто над писателями не смеется, не кричит, что они все наврали... А если какой-нибудь человек... ну, не писатель, а просто... Если он какие-нибудь истории просто для интереса начинает придумывать, его сразу дразнят, что хвостун. Почему?

– Бы-вает... – медленно сказал журналист. – Но тут, наверно, ничего не поделаешь. Просто не надо обращать внимания... Между прочим, над писателями тоже иногда смеются. Дураки-то еще есть на свете.

Серёжа кивнул. Хотел еще что-то сказать, повернулся... Шаткий чемоданчик опрокинулся под ним, и Серёжа полетел в траву.

Он тут же вскочил и засмеялся.

– Садись-ка на скамейку, – сказал журналист. – А то раздавишь свой багаж да еще шею свихнешь.

– Не свихну. Мне эта скамейка уже надоела, я на ней с самого утра торчу.

– Ну и что? По-моему, очень удобно. Спинка удачно сделана и вообще... – Журналист повозился на скамейке, устраиваясь поуютнее.

Серёжа торопливо проговорил:

– Извините, я забыл сразу сказать. Там, кажется, где-то гвоздь торчит, можно брюки порвать.

«Дон Кихот» поспешно приподнялся. Ощупал под собой скамью.

– Черт... Действительно торчит. Это было бы чрезвычайно досадно – порвать штаны. Других у меня с собой нет.

– У меня нитка с иглой есть. Зашили бы, – сказал Серёжа.

– Спасибо, утешил... А почему ты свои не зашьешь? Вон у тебя внизу штанина распорота.

– Да ну их! Я их вообще снять хотел, да в чемодан не влазят... Я их надел, потому что через колючки надо было пробираться. Ну и зацепился там.

– Где же ты пробирался через колючки? Ты ведь из лагеря едешь?

Серёжа нахмурился.

– Ну, извини, – поспешно сказал журналист. – Это опять профессиональная привычка. Командировочное настроение у меня. Когда я в командировке, то всех обо всем спрашиваю.

– Значит, вы в командировке? – переспросил Серёжа. Потому что неловко было молчать.

– Угу, – откликнулся «Дон Кихот».

Он вдруг внимательно посмотрел на Серёжу, наморщил лоб, будто решал что-то. Потом спросил:

– Можно, я расскажу тебе маленькую историю? Ты не удивляйся. Понимаешь, мне очень интересно, что про эту историю скажет случайно встреченный человек. Ну, такой, как ты... Можно?

– Конечно, – сказал Серёжа. – А про что история?

– Да простое, в общем-то, дело... Получили мы в редакции письмо. От одного гражданина. Пишет гражданин про председателя здешнего колхоза «Луч». Пишет, что председатель этот такой-сякой, с людьми не ладит, зазнается, обижает подчиненных. Колхозные машины для своих личных дел использует. Пионеров из лагеря на колхозную стройку не велел пускать, когда они там хотели в порядке шефской помощи поработать...

– Это, наверно, про наш лагерь, – вставил Серёжа. – Здесь близко другого нет.

– Наверно, про ваш... А еще председатель заставил студентов дом для его родственницы отремонтировать. Там студенческий строительный отряд работает, новый конный двор строят ребята, так вот целую бригаду из этого отряда послал он частный дом чинить... Ну и еще кое-что написано... В общем, приехал я в колхоз разбираться. Вопрос-то серьезный. И действительно, вроде бы так оно все и есть, как в письме. На первый взгляд. А если поглубже копнуть,

то в письме сплошная чушь. Конечно, есть в колхозе люди, которым председатель не по вкусу: лодыри это и прогульщики. Когда народ на поле выходит, они на свой огород или на базар. И насчет машин – чепуха. А насчет пионеров, так он правильно сделал, что не разрешил. Нечего на этой стройке ребятишкам делать, там такие бревна да шлакоблоки, что и студенты едва управятся. А что касается ремонта дома, то это вообще стопроцентное вранье. Никакая она ему не родственница, а просто однофамилица. У нее муж в прошлом году умер, а был он, кстати сказать, инвалид, бывший партизан. Умер, не успел дом поправить. А студенты услышали эту историю и решили помочь. Их председатель и не заставлял. Вот так, брат... Ну, что?

Серёжа смутился. Не привык он обсуждать такие «взрослые» вопросы.

– Ну так что... – сказал он с неловкостью. – Значит, все в порядке. Да?

Журналист шумно вздохнул и обрадованно заулыбался.

– Вот и хорошо. Ну, ты молодец, честное слово.

– Я... даже не понимаю, – растерялся Серёжа. – Почему я молодец? Вы смеетесь почему-то...

– Просто радуюсь. Видишь, не везло мне сегодня с утра. Встретил двух знакомых одного за другим (у меня тут в округе знакомых полно), рассказал им эту историю, а они... Один меня жалеть начал: вот мол, зря съездил, фельетон-то писать не о чем. А другой начал молотить: «Знаем мы этих председателей. Хотя и не подтвердилось ничего, а все равно они такие...» И ни тот, ни другой не порадовался, что человек-то оказался хороший этот председатель. А ты вот сказал самое главное: «Все в порядке». Это ведь здорово, что ты так сказал.

Серёжа подумал.

– Да... Только знаете что? Ведь тогда получается, что человек, который письмо писал – плохой.

«Дон Кихот» кивнул:

– Правильно заметил, Серёжа. Только это и так было видно, сразу. Еще когда письмо не проверяли.

– Почему?

– Ну... это заметно. Злое письмо. И подписано как-то странно. Вроде бы и есть фамилия, а не разберешь толком. На букву "С". И должность под фамилией написана странная: руководящий работник. Не нашел я в колхозе этого «руководящего работника», хотя многим письмо показывал.

– А он, наверно, просто не хотел, чтобы его узнали, – догадался Серёжа.

– Наверно... – сказал журналист и задумался.

А Серёжа сидел на чемодане, поглаживал Нока и незаметно разглядывал журналиста. Тот ему все больше нравился. И не потому, что он с Серёжей разговаривал, как со взрослым. Это многие умеют. Серёжа не сумел бы объяснить словами, но чувствовал доброту большого незнакомого человека. Это была сдержанная доброта, и в ней ощущались уверенность и твердость. И когда «Дон Кихот» улыбался по-лошадиному или неловко передвигал длинные ноги, это было не смешно. Потому что за неловкостью была заметна сила. Ну не такая сила, как, например, у штангиста, а сила характера, что ли...

А может быть, все это Серёже показалось?

Ведь полчаса назад он пережил встречу с другим взрослым человеком – сильным и недобрым. Эта встреча оставила горькое беспокойство. И сейчас нужно было Серёже, чтобы рядом оказался кто-нибудь добрый и умный. Тот, кто все понимает.

«Интересно, как его зовут?» – думал Серёжа. Но спросить было неудобно. И вдруг журналист (бывает же так!) встретился с Серёжей глазами и сказал:

– Кстати, меня зовут Алексей Борисович... Ты не думай, что я на знакомство напрашиваюсь. Просто неловко получается: я твое имя знаю, а ты мое – нет... Между прочим, тебя, наверно, часто спрашивают, не потомок ли ты знаменитого декабриста?

Серёжа улыбнулся.

– Спрашивают. Ну, не часто, а так, иногда. Только тут декабристы ни при чем. У меня дедушка был красный конник. Мне папа рассказывал. Дедушка тогда еще совсем молодой был, ну не взрослый даже. И родителей у него не было, он беспризорничал. А красные его к себе взяли. Это было как раз под Каховкой, про которую песня есть. Ну и дали ему такую фамилию, потому что он свою настоящую даже не хотел называть. Говорил, раз жизнь новая, пусть и фамилия новая будет... Он потом здорово воевал, даже командиром стал. Только умер он давно, его даже папа плохо помнит. И фотокарточки ни одной не осталось.

– Это не самое главное, – серьезно сказал Алексей Борисович. – Фамилия осталась. Славная у тебя фамилия, Сергей, позавидовать можно... Ну это я так, не подумай, что завидую. У меня фамилия тоже знаменитая. Иванов... Ты что смеешься? Я серьезно.

– Я не смеюсь, – запоздало сказал Серёжа. – Это я... нечаянно. Извините.

– Думаешь, не знаменитая фамилия? Одних писателей Ивановых двадцать два человека, я специально интересовался. Вот так-то...

– У нас в классе Иванов есть, – сказал Серёжа, чтобы сгладить неловкость.

– Один Иванов – это что! В нашем подъезде в трех квартирах Ивановы живут. Один, между прочим, тоже Алексей Борисович. Почтальонка замучилась, все время письма путает. Один раз открыл конверт, начал читать: батюшки мои, какая-то тетя Вера поздравляет меня с серебряной свадьбой. Смотрю – письмо-то соседу. Побежал извиняться. Ужас до чего неприятно.

– Ну, это ничего, – сказал Серёжа. – Это же вы случайно... Алексей Борисович! А если какой-нибудь человек нарочно чужое письмо распечатывает и читает. Чтобы узнать что-нибудь про другого... Это как называется? Это очень плохо? Или... не очень?

Лицо Алексея Борисовича стало строгим и напряженным. Уж не подумал ли он, что Серёжа про себя говорит?

– Вот вопрос... Ты же не маленький, Сергей. Наверно, и сам знаешь. Тут уж как ни крути, а называется это всегда одинаково – подлость... Да ты что вскочил?

– Ну вот, – сбивчиво заговорил Серёжа. – Вот видите! Я ему так и сказал!

– Кому?

– Тихону Михайловичу. Начальнику лагеря...

4

Сначала Серёже понравилось в «Смене», хотя лагерь оказался совсем не такой, какой ему представлялся.

Раньше, когда говорили «лагерь», Серёже казалось, что это палатки и разноцветные домики, сгрудившиеся между скал и высоких черных елей. В вечернем небе – редкие звезды и яркая половинка луны. И теплый оранжевый костер у самой большой скалы рядом с говорливым ручьем.

Оказалось, что все не так. Были три длинных дома среди редких сосен, посыпанная песком площадка, мачта с флагом, высокий зеленый забор, фанерные плакаты «Солнце, воздух и вода – наши лучшие друзья» и «Пионер – всем ребятам пример». Трава между соснами была вытоптана, только вдоль забора густо росли репейники и крапива.

Но все равно Серёжа не жалел, что приехал. Потому что в первый же вечер на лужайке за кухней развели костер, а вожатый третьего отряда Костя принес гитару и запел песню, от которой все притихли: песня была про очень знакомое, словно кто-то подслушал Серёжину тайну.

Только говорилось в ней не про Серёжу, а про маленького горниста.

...У горниста Алешки Снежкова
Отобрали трубу золотую.

Говорили, что сам виноват он:
По утрам потихоньку, без спросу
Подымался Алешка с кровати,
Шел на берег по утренним росам.

Разносился сигнал его странный
Над чащобою спутанных веток,
Над косматым озерным туманом,
Под оранжевым флагом рассвета...

И чтобы Алешка не нарушал режим, чтобы не разбудил кого-нибудь раньше срока, трубу у него взяли и заперли в шкаф. Ну что Алешка мог сделать? Может быть, даже плакал, закутавшись в одеяло, после отбоя, но трубу-то все равно не вернешь. Так и уснул.

Спит горнист. А что ему снится?

Может, снится, как эхо сигнала
В теплый воздух толкнулось упруго
И за черным лесным перевалом
Разбудило далекие трубы...

Тут у Серёжи, когда он слушал эту песню, каждый раз начинало щекотать в горле, и попавший под руку сосновый сучок он сжимал, как сабельную рукоять.

Захрапели встревоженно кони,
Развернулись дугой эскадроны —
И склонились тяжелые копыта,
И поднялись над строем знамена.

В чистом небе – рассветная краска,
Облаков золотистые гряды.
Словно в сказке, но вовсе не в сказке
Вылетают на поле отряды.

Мчится всадников черная россыпь
Сквозь кустарник, туманом одетый,
По холодным предутренним росам
Под оранжевым флагом рассвета.

Потом были и другие песни. Но эту на каждом костре пели обязательно. И Серёжа всегда ждал ее, и заранее начинала звенеть в нем радостная тревога. Будто могло случиться чудо, и всадники из песни готовы были вырваться на поляну и встать у костра: отблески огня на мордах коней, золотые искры на уздечках, стремях и медных кольцах ножен. А лиц не видно в тени, только звезды проступают на высоких шлемах...

Однажды после костра Серёжа задержался рядом с вожатым и негромко спросил:

– Костя, а кто придумал эту песню?

– Да так... – неохотно сказал Костя. – Один человек... – И было похоже, что он смутился.

Странно. Вообще-то Костя смущался редко. Он был веселый, неутомимый, справедливый. Не выгонял ребят раньше времени из речки, таскал на плечах малышей-октябрят и никогда не кричал на мальчишек, как вожатая Серёжиного отряда с дурацким именем Гортензия.

Гортензия часто кричала, потому что в отряде не было дисциплины. Все хотели то в поход, то на речку, то футбол гонять, а проводить тематические сборы и выполнять режим никто не хотел. Гортензия из кожи лезла, чтобы добиться порядка. Но у нее ничего не получалось, хотя она изо всех сил старалась походить на старшую вожатую Евгению Семеновну.

А Костя не старался быть похожим. Он ходил в темных очках и носил зеленые шорты с широким командирским ремнем.

Все знали, что начальник лагеря Тихон Михайлович Совков недоволен Костей. Начальник считал, что взрослому человеку неприлично ходить в коротких штанах, а вожатый к тому же не имеет права носить черные очки, потому что они отделяют его от детей. Но Костя продолжал ходить в шортах, а очки ни от кого его не отделяли...

И вот когда Серёжа спросил про песню, Костя слегка растерялся. И Серёжа не стал больше спрашивать, все и так было ясно. А Костя закинул за плечо гитару и взял Серёжу за руку.

– Пойдем, Сергей... Не все ли равно, кто придумал песню? Главное, что поют...

И Серёже стало хорошо-хорошо от того, что Костя помнит, оказывается, его имя, и они идут сейчас рядом, и Костя держит его ладонь в своей ладони, а над лагерем теплый такой, тихий вечер, и луна смеется среди темных сосен...

Луна была не совсем круглая, но очень яркая. А на севере не гасла желтая заря. Лунный свет сливался с зарей, и на сосновые ветки словно золотистая пыль осела. Спать никому не хотелось. Ребята сдвинули кровати и стали рассказывать разные истории. Было не очень шумно и очень интересно. Многие даже из других палат прибежали. Гортензия для порядка покричала, а потом незаметно исчезла.

– Гы... На свидание со Стасиком побежала, – съехидничал Вовка Падерин по прозвищу Пудра.

Стасик – это был Станислав Андреевич, физрук. Но никто не стал смеяться, не такое было настроение. Всем хотелось тихонько сидеть рядом друг с дружкой и слушать.

Истории были, конечно, страшные. Павлик Максимов рассказал про отрубленную руку, которую двое мальчишек нашли в старинном сундуке, а Валерка Сотников – про то, как их соседка по квартире оказалась колдуньей и летала в стиральной машине.

А потом Витька Солобоев из первого отряда начал рассказывать про собаку Баскервилей. Только говорил он плохо, все путал, сбивался. Кроме того, Витька на ужине объелся и сейчас сильно пыхтел. Слушать стало неинтересно, тем более что многие ребята историю про баскервильского пса знали лучше Витьки. Они стали перебивать, поправлять, зашумели. Витька, утомленный и обиженный, замолчал. А все заговорили про собак: какая порода лучше, у кого какие были щенки, как дрессировать...

У Серёжи никогда собаки не было, но слушал он все равно с интересом.

Вдруг, когда уже начал стихать разговор, маленький Димка Соломин сказал:

– У меня тоже была собака. Только я ее никогда не видел...

– Гы, – тут же отозвался Пудра. – Она меньше блохи была, ага? Смесь микроба с кабыздохом.

Несколько человек с готовностью хихикнули. Но остальные на них зашумели: почти всем хотелось послушать про Димкину собаку.

И Серёже очень хотелось. Дело даже не в собаке. Просто ему нравился Димка.

Они познакомились в первый же лагерный день. Серёжа шел в пионерскую комнату и увидел, что прямо перед ним стоит на дорожке мальчишка лет восьми. Худой, золотоволосый, с боевой ссадиной на переносице. Стоит, крепко расставив ноги и заложив ладони за ремешок на штанах. Лицо у мальчишки было хорошее, с большим улыбчивым ртом и зелеными глазами.

– А я тебя помню, – сказал он и наклонил к плечу голову. – Ты учился в пятом "В", в нашей школе. Тебя Серегой зовут.

– Правильно, – обрадовался Серёжа. – Только я... не помню, как тебя зовут. – Он постеснялся сказать, что вообще не помнит этого мальчишку.

– Меня звать Димка, – охотно сообщил тот. И пошел рядом с Серёжей.

Наверно, они разговорились бы, но тут закричал кто-то издалека: «Димка! Соломин!» И Димка ускакал на зов.

Потом он много раз попадался навстречу и всегда улыбался Серёже, как давнему знакомому.

Серёжа ни с кем еще не успел подружиться в лагере. И с Димкой тоже. Но Димка нравился ему больше всех, жаль только, что был он маленький...

Димка стал рассказывать:

– Я тогда жил у нашей бабушки. Не в городе, а в поселке. Там овраг, а кругом дома. Я в первую ночь ну никак уснуть не мог. Потому что не привык. У нас в городе ночью в окошке сразу тыща огней видна, а у бабушки – никаких огоньков, потому что овраг за окном. Только луна. Ну, я не спал, не спал, а потом собака начала гавкать. Я сперва даже разозлился: чего спать не дает? А потом мне ее как-то жалко стало. Она так печально гавкала. Наверно, она все время на цепи сидела, и ночью и днем. Скучно ведь... У меня окошко открыто было. Я подошел и давай свистеть. Ну, не громко, а так, будто зову ее. Она замолчала. А потом гавкнула, будто спрашивает. Ну, я еще посвистел. А она опять: «Гав, гав». Будто отвечает... Вот так мы долго-долго переговаривались. А потом я три раза свистнул, что кончаем разговор, и лег спать. Она тоже еще полаяла немного и замолчала.

– А потом? – спросил Серёжа.

– Когда другая ночь наступила, мы опять так же переговаривались. И потом еще. Каждую ночь. Она меня уже узнавала по свисту, эта собака. И откликалась по-всякому. Если весело начну свистеть, она тоже весело так залает! А если потихонечку, грустно, она тоже жалобно так гавкает... В общем, у нас целые разговоры были.

– А как ее звали-то? – спросили из дальнего угла.

– Я откуда знаю? – удивился Димка. – Я ее даже не видел ни разу. Даже не знаю, какая она. Я ее днем искал, да там у оврага огороды кругом и заборы высокие, не проберешься. А на свист она днем не откликалась.

– Какая же она твоя? – обиженно пыхтя, сказал Витька Солобоев. – Даже не знаешь, рыжая она или еще какая. Хозяин у собаки тот, кто ей жрать дает.

– Зато она со мной разговаривала, – тихо ответил Димка.

Серёжа с досадой сказал:

– Ты, Солобоев, не мешай рассказывать... Ну а потом что, Димка?

Димка вздохнул.

– Потом я подрался с Вовкой Кобасенком, и у меня губа распухла. Я уже не мог свистеть. А она лаяла, лаяла. Всю ночь. Я просто не знал, что делать. Кричать, что ли? Ну, я же не знал, как ее зовут. И бабушка проснулась бы... А собака все лаяла, лаяла и вдруг как завизжит! И замолчала сразу... Я потом, когда губа прошла, всю ночь свистел, а она уже не отвечала.

Все сочувственно помолчали.

– Прибил кто-нибудь, – проговорил Женька Скатов, сердитый некрасивый мальчишка из первого отряда. – Есть такие гады. Им собаку убить что клопа раздавить.

Серёжа недолюбливал Женьку. Но сейчас Женька пожалел Димкину собаку и сразу показался Серёже симпатичным.

И вообще все вокруг были сейчас хорошие и добрые. Сидели вперемежку на своих и чужих кроватях, привалившись друг к дружке и завернувшись во все равно чьи одеяла. И к Серёже приткнулся тоже какой-то парнишка из другого отряда, незнакомый, но все равно славный. Все ярче светила луна, и совсем не хотелось спать, и хорошо было рядом друг с другом.

Кругом были товарищи, и Серёжа решил подарить им свою сказку.

Он сказал:

– А у меня есть всадники...

5

Это случилось позапрошлым летом. Серёжа выпросил у тети Гали разрешение пойти с ребятами за город, на Песчаное озеро. Дни стояли знойные, все мальчишки были одеты совсем легко. Ведь никто не думал, что в середине дня из-за кромки северного леса прилетит злой ветер с обжигающе холодным дождем. Это был один из стремительных циклонов, о которых не успевают предупредить синоптики.

Непогода захватила ребят, когда они были на луговой тропинке, в двух километрах от автобусной остановки. Лето сразу превратилось в осень. Солнце зарылось в косматые облака и, наверно, дрожало там, как промокший рыжий щенок. Травы согнулись под пружинистыми ударами струй.

Когда Серёжа прибежал домой, его можно было выжимать и вешать на веревку вместе со штанами и майкой. Тетя Галя захохала, кинулась греть воду. Но не помогла горячая ванна. И малина не помогла. К вечеру Серёжа осип, ослабел, задрожал от озноба...

Ангина – невеселое дело, особенно в каникулы. Лежишь и скучаешь. В первый день тетя Галя сидела с Серёжей, поила горячим молоком и кормила таблетками. А потом температура улеглась, и тетя Галя стала ходить на работу.

Отец был в командировке, Маринка в детском саду, Наташка – та, что жила в той же квартире, – в деревне у бабушки. На улицу Серёже запретили даже нос высовывать.

Да и что было делать на улице? Ветер и дождь хозяйничали как хотели. Под окном теклась унылая лужа, по ней разбегалась рыжая от глины рябь. Мотались на ветру ветки рябины и желтой акации. Красный столбик в термометре, прибитом за окошком к карнизу, съезжился и торчал на десяти градусах.

Наконец однажды к вечеру холодный дождь отшумел и откатился за дальние крыши. На западе прорезалась солнечная щель. Но зябкий ветер еще налетал порывами, и мокрые кусты вздрагивали, как вздрагивают после долгих слез маленькие дети.

Серёжа тоже вздрагивал: у окна было прохладно. Пришла тетя Галя и прогнала его в постель. Серёжа слегка обиделся. Он лежал носом к стене и весь вечер не поворачивался, хотя ему очень важно было знать, растет ли за окном светлая полоса. Он лежал и разглядывал старые обои. Мелкий узор, пятнышки и царапины складывались в картинки. Можно было, если постараться, увидеть странных птиц, верблюдов, старинный пароход и хромую избушку Бабы Яги. Но отчетливей всего виден был всадник.

Всадник сидел на тонконогом коне. У коня была вскинутая голова и взлохмаченная грива. Всадник был в остром шлеме и шинели. В одной руке – изогнутая шашка, в другой – длинное копьё (эту царапину Серёжа нанес деревянной саблей, когда воевал с подушкой).

Ресницы слипались, и узоры на стене начинали шевелиться. Конь перебирал ногами, и всадник оглядывался на Серёжу, словно с собой звал.

Серёжа тряхнул головой, всадник замер. Серёжа украдкой глянул в окно. Солнечная щель была теперь оранжевая. По ней, как по огненной дороге, летели маленькие облачка, похожие на кавалеристов с косматыми бурками. Они словно шли в атаку на непогоду.

Ночью шумел дождь. Серёжу будила тревога: неужели и завтра не будет солнца? Всадник на стене был не виден в сумерках, но Серёжа знал, что он здесь, и шепотом просил:

– Ну прогони эти тучи! Ну, пожалуйста...

Утро было серое, но дождь умолк. Серёжа прошлепал к окну. Циклон уходил. Темные облака откатывались к югу ряд за рядом. Они были похожи на армию, которая отступает, хотя еще не совсем разбита. К полудню синими проблесками стало мелькать небо, а потом в широкий разрыв пушечным ядром вылетело раскаленное солнце, и красный столбик термометра, салютуя, взлетел на девять делений.

Яркие лучи упали на стену. Все вечерние рисунки на обоях рассыпались от света, пропали. И всадник исчез. Но он-то не рассыпался, конечно: он ускакал бить отступавшего врага.

Ему, этому всаднику, трудно было одному в бою. Серёжа сел к столу и стал готовить армию.

Сначала Серёжа нарисовал на картоне одного кавалериста (может быть, не очень умело вышло, но он старался). Всадник получился ростом со спичечный коробок. Серёжа вырезал его маленькими тети Галиными ножницами. Потом он по этой фигурке обвел еще одиннадцать – сколько хватило картона. И тоже вырезал, а потом разрисовал папиной цветной тушью. Получился эскадрон из двенадцати всадников. С тонкими пиками из рисовой соломы от веника, с блестящими саблями из серебристой обертки от чая, со звездами на шлемах.

Серёжа выстроил всадников на подоконнике, чтобы они мчались вслед за убегающими тучами.

И тучи, испугавшись, скоро совсем покинули поле боя. День стал яркий, сверкающий синими лужами, и теплый. Над высыхающим асфальтом поднимался пар.

Попробуйте посидеть дома в такую погоду! Когда пришла тетя Галя, Серёжа сказал, что умрет, если не выйдет на улицу. Тетя Галя повздыхала и разрешила. Велела только надеть резиновые сапоги, длинные штаны и свитер.

Ходить в таком наряде, когда на улице чудесный летний день, может только сумасшедший. Серёжа так и сказал. Тетя Галя обиделась. Серёжа тоже обиделся. Он даже хотел пустить слезу (в те времена он еще выкидывал такие шуточки), но распускать нюни перед лицом двенадцати всадников было неудобно. Серёжа заявил, что гулять не будет, и начал строить на подоконнике вражескую крепость из костяшек домино. Эту крепость всадники взяли с налета. Они были такие же сердитые, как Серёжа.

Однако долго сердиться не пришлось. Неожиданно вернулся из поездки отец. Он, оказывается, поторопился, чтобы успеть на день рождения к своему хорошему товарищу. Узнав, что Серёжа нездоров, отец расстроился. В гости идти ему расхотелось. Но Серёжа не желал, чтобы отец расстраивался. Он сказал, что ни капельки уже не болеет, и что пусть папа с тетей Галей идут, а то дядя Володя будет ждать и обижаться. Только пусть возьмут с собой Маринку, а то она весь вечер будет приставать, чтобы Серёжа ей книжки читал. А у него своих дел много.

Вот так он и остался в тот вечер один.

...Прежде всего он распахнул окно. Гулять не разрешают, ну и ладно! А сидеть в открытом окне ему никто не запрещал.

Вечер наступил теплый и слегка влажный. Над крышами вырастала груда желтого облака. Улица была тихая, пустынная, только в кустах шастали воробьи. Серёжу стало клонить в сон. Может быть, он не совсем еще поправился, а может быть, просто утомился за день. Он прилег на кровать и стал смотреть в окно. Всадники по-прежнему были на подоконнике. Они словно мчались по вечернему небу навстречу желтому облаку.

Серёжа уснул.

Он проснулся от громкого, как выстрел, удара. Это ветер захлопнул окно.

Над городом разворачивалась гроза, которая пришла на смену холодному циклону. Это была теплая гроза с голубыми вспышками и раскатистым добродушным громом.

Серёжа подбежал к окну. И увидел, что на подоконнике нет всадников. Ветер, прежде чем захлопнуть створки, подхватил картонных кавалеристов и унес неизвестно куда.

Конечно, Серёже стало обидно. И одиноко. Папа с тетей Галей еще не вернулись, хотя было поздно и темно, всадники умчались и бросили его. У Серёжи защемило в глазах. Он не стал смотреть на грозу. Опять лег и ткнулся носом в подушку.

...И тут ему не то приснилось, не то придумалось, будто мягким толчком распахнулась дверь. И простучали от порога до кровати твердые, с металлическим перезвоном шаги.

Он открыл глаза и повернулся на спину.

В комнате нарастал свет, будто лампочки в люстре сами собой медленно набирали силу. Недалеко от Серёжиной кровати стоял человек в остром шлеме и шинели до пят. На нем были желтые тугие ремни со звездной пряжкой, коричневая кобура и длинная сабля в черных ножнах с медным наконечником. Крошечные капельки дождя блестели на шинели. Человек смотрел на Серёжу устало, но по-доброму. Потом он протянул Серёже руку и сказал:

«Не сердись... Мы не успели предупредить тебя. Мы ускакали, потому что ждало нас важное боевое дело».

Серёжа поспешно вложил свою ладошку в большую ладонь Всадника и поднялся.

То ли сон это был, то ли выдумка, но Серёжа помнит все ясно-ясно. Как он встал перед Всадником, ухватился за его кожаный пояс и прижался к шинели. Сукно оказалось сырым и колючим, когда Серёжа коснулся его голыми локтями и коленками. От ремня пахло, как от нового портфеля, а от желтой пряжки – кисловатой медью. Всадник был высокий, и Серёжа доставал до пряжки только подбородком. Он так и стоял, вцепившись в ремень и задрав подбородок, и смотрел на чудесного гостя.

«А вы вернетесь?» – спросил Серёжа.

Всадник серьезно сказал:

«Если будет нужно. Мы не можем всю жизнь торчать на подоконнике. У нас еще много боев. Но если тебе придется плохо, ты позови. Мы примчимся».

«Как позвать?» – спросил Серёжа шепотом, потому что хотелось заплакать. Не от горечи, не от обиды, а наоборот – будто от любимой песни, когда вспоминается что-то хорошее.

Всадник улыбнулся.

«Как позвать... Ну, встань покрепче, локти согни, кулаки сожми, будто в одной руке поводья, в другой – шашка. И скомандуй тихонько, про себя: „Эскадро-о-он! Ко мне!“ И мы сразу будем тут как тут... Может быть, нас никто и не заметит, мы умеем быть невидимками. Но ты обязательно знай, что мы рядом».

«Буду...» – прошептал Серёжа.

Всадник подержал на его плече тяжелую ладонь, повернулся и ушел за дверь, позвякивая шпорами. Тихо ржали за окном лошади, и откатывался за горизонт гром. Серёжа снова лег...

Сквозь сон он услышал, как пришли папа и тетя Галя, как хныкала Маринка, которой давно пора было спать.

Потом тетя Галя вошла в комнату и охнула:

– Батюшки, так и уснул, даже свет не погасил. И не разделся.

Она стала расстегивать на Серёже рубашку, а он притворился, что никак не может проснуться. Лишь украдкой, одним глазком глянул на пол: нет ли следов от сапог. Но следы уже высохли. И только Серёжино плечо все еще будто чувствовало тяжесть крепкой дружеской ладони...

Нет, Серёжа пока ни разу в жизни не звал на помощь всадников. Потому что не встречались еще настоящие враги.

Но он знает: если позвать, они примчатся.

Это уж точно...

Едва Серёжа кончил говорить, как появилась Гортензия. На этот раз она раскричалась всерьез, всех разогнала по своим постелям и палатам. Так Серёжа и не узнал, понравилась ли его сказка ребятам. Он только помнил, что слушали его внимательно, молча.

Если бы он знал, чем это кончится!

6

Пудру, Витьку Солобоева и Гутю начальник лагеря звал «мои мушкетеры». Они ездили в лагерь уже несколько лет подряд. Знали каждый камушек, каждую тропинку и щель в заборе. Знали они и все порядки. Когда и кому их можно нарушать, а когда и кому следить за ними. В пионерское начальство «мушкетеров» не выбирали. Но они и так ходили в главных. Когда надо перегонять лодки из соседней деревни, ехать в село за сметаной или заготавливать в лесу дрова для костра и возить их на лошади, кого пошлешь? Завхоз дядя Вася на десять частей не разорвется. Не отправишь ведь по таким делам председательницу совета дружины Светку Мальцеву, хоть она и командирша. И на всяких других активистов надежда маленькая: они только альбомчики клеить умеют.

И когда малышовый отряд поднимает на тихом часе гвалт и начинает бой подушками, от совета дружины толку мало и от девиц-вожатых тоже. Станислава Андреевича никогда не доищешься, а с Костей у начальника отношения так себе. «Мушкетеры» же всегда тут как тут.

Ну а если они искупаются лишний разок, когда наблюдают за порядком на речке, или оттянут по затылку нарушителя дисциплины, беда невелика. Зато на душе спокойно.

Главным среди «мушкетеров» был Гутя. То ли это имя у него, то ли прозвище, Серёжа не знал. Девчонки из старшего отряда по Гуте вздыхали. Он был симпатичный: смуглый, темноволосый, стройненький. Всегда в отглаженной пионерской форме, как с картинки. И очень вежливый. Со всеми. Даже с теми пацанами, которых он за провинности собирался тукнуть по лбу.

Впрочем, Гутя редко пускал в ход руки. Для этого были Пудра и Витька.

Пудра был Гутин друг, хотя он на Гутю ну ни капельки не походил. Худой, длинный, в штанах с пузырями на коленях, в рубаше навыпуск, нескладный. У него была тонкая шея, круглая голова и желтые космы волос. Они торчали вразлет, и Пудра напоминал подсолнух.

Пудра умел притворяться дурачком. Как скажет свое «гы» да отпустит шуточку поглупее, сразу покажется, будто он недоразвитый. Но это тем покажется, кто Пудру не знает.

А Витька Солобоев ходил у Гути и Пудры в адъютантах. И ничего особенного в нем не было, кроме розовых щек и аппетита.

В этом году приклеился еще к «мушкетерам» Женька Скатов. Хмурый такой, неразговорчивый парнишка. Выбрали его в совет отряда, потому что, говорят, он в школе хорошо учился, но Женька отрядными делами не занимался, а все время гулял с «мушкетерами».

...Вот этих четверых и встретил Серёжа, когда проводил Костю и возвращался в лагерь.

Костя уехал. Не мог он оставаться: пришла из города телеграмма, что Костина мама заболела. Тяжело. Про Костин отъезд и телеграмму никто не знал, кроме вожатых.

Серёжа узнал случайно. Он раньше всех закончил завтрак и украдкой выскользнул из столовой: ему всегда было неловко орать вместе с другими, хором: «Спасибо всем!» Выскочил он на крыльцо и увидел, что Костя шагает к лагерной калитке с плащом на руке и с чемоданом.

Сердце у Серёжи неприятно стукнуло. Он догнал Костю.

– Ты разве уезжаешь?

– Приходится, – откликнулся Костя. И коротко рассказал про телеграмму.

Серёжа молча пошел рядом. Что тут скажешь? Потом он спросил:

– А почему ребята не провожают?

– Не сказал я никому. И так на душе муторно. А тут сорок человек – сорок расставаний. Девчонки еще слезу пустят.

«Не только девчонки», – подумал Серёжа. И попросил:

– Можно, я провожу? Я не пушу слезу.

– Пойдем, Сергей, – сказал Костя.

Серёжа взял у него плащ, и они зашагали к станции. Через лес, через луг. Молча. Когда среди трав поднялся станционный домик, Костя остановился:

– Возвращайся, Сергей, а то потеряют тебя. Спасибо. Ребята пусть не обижаются, я им напишу.

«А песню я навсегда запомнил», – хотелось сказать Серёже, но он промолчал. Стоял и смотрел вслед Косте. Даже «до свидания» не сказал. «До свидания» – значит «до встречи». А где им встретиться, если Серёжа и адреса-то Костиного не знает. Постеснялся спросить. Какие уж тут адреса, если у человека несчастье.

«Мушкетеры» повстречались ему у самой калитки.

– Очень приятно. Еще один самовольщик, – лениво произнес Гутя. – Кто разрешил за территорию лагеря уходить?

Серёже было грустно. Ему было не до «мушкетеров». Серёжа и не подумал, что их четверо, а он один. Просто сказал:

– Тебе какое дело?

– Ух ты... – в один голос возмутились Пудра и Солобоев и хотели ухватить Серёжу.

Гутя удержал их движением ладони.

– А вот какое дело, – любезно сказал он. – Позвольте довести до вашего сведения, что директор велел всех, кто из лагеря нос высовывает, отправлять на гауптвахту и держать там до выяснения.

– Куда отправлять? – удивился Серёжа.

– В пионерскую комнату. Под замочек. Под арест. Пока он не придет и не разберется.

– Гы! Да ты не бойся, не заскучаешь, – вмешался Пудра. – Тама уже три гаврика сидят, веселятся.

– Ну идите и веселитесь с ними, – хмуро сказал Серёжа.

– Ты поговори, – пригрозил Женька Скатов. – Иди лучше добром. Нам директор приказ дал.

Директором почему-то все звали начальника лагеря.

– Приказ – дуракам напоказ, – сказал Серёжа. Ему было все равно, потому что Костя уехал. – Пусть он сам сидит под арестом, если хочет. Здесь не кадетский корпус.

– Взять! – сказал Гутя.

Пудра и Витька прижали Серёжу к забору. Хотели повести насильно. А ему вдруг так обидно сделалось и такая злость нахлынула! Кулаки сами сжались.

– Ладно, отпустите, – вдруг распорядился Гутя. – Дитя готово разрыдаться. Маму звать начнет.

Пудра заупрямился:

– Не-а... Пускай сказочку расскажет, тогда пустим. Это же тот сказочник. Он нам всю ночь про каких-то наездников мозги заправлял. У, потеха!

Видно, Пудра решил отомстить за Витьку, которого накануне вечером не захотели слушать ребята.

И сам Витька обрадовался:

– Точно! Он трепался, будто лошадиной дивизией командовал! Ты, Гутя, не слыхал, не знаешь. Будто, как свистнет, так все кругом без памяти валятся.

Стыд и ярость взметнулись в Серёже! Он им тайну открыл, сказку доверил, а они!

– А ну пустите! – крикнул он с такой злостью, что «мушкетеры» отшатнулись.

– Что случилось? – раздался голос начальника лагеря. Совков подошел незаметно.

– Ничего страшного, Тихон Михайлович. Самовольщик нервничает, – объяснил Гутя. – За пределами лагеря гулял, а теперь брыкается.

Совков повернулся к Серёже.

– Кто позволил уходить из лагеря?

Глядя в землю, Серёжа сказал:

– Я Костю провожал. Он мне сам разрешил.

– Надо было у меня спросить... Ладно, ступай.

Серёжа плечом отодвинул с дороги молчаливого Женьку и шагнул в калитку. Но злость и обида вдруг снова поднялись в нем. Он повернулся:

– А они... пусть лучше меня не трогают! Я под их скрипку танцевать не собираюсь!

Серёжа ожидал в ответ возмущения и угроз. Но

«мушкетеры» промолчали, а Тихон Михайлович сказал почти ласково:

– Ступай, ступай. Они не тронут. Я поговорю.

Они и правда не трогали Серёжу. Но в тот же день он увидел на своей подушке листок с карикатурой: кривоногий всадник сидел на брюхатой лошади и держался за хвост.

На следующий день вслед Серёже то и дело звонко ржали наученные «мушкетерами» малыши. К вечеру кое в чем разобрался, видимо, Димка и навел среди октябрятской братии порядок: ржание прекратилось. Но перед ужином к Серёже подошла Гортензия и, хлопая крашеными ресницами, заговорила:

– Послушай, Каховский, у нас завтра костер. Ты не мог бы рассказать всему отряду свою сказку?

– Какую сказку?

– Ту самую, про которую все говорят. Про каких-то волшебников, говорящих верблюдов, лошадей...

«Сама ты говорящий верблюд», – подумал Серёжа. И спросил:

– Кто вам сказал про эту сказку?

– Падерин и Солобоев. А что?

– Скажите им, что они болваны, – четко произнес Серёжа.

– А ты грубиян! Тебя по-хорошему просят, а ты...

Вот в тот вечер Серёжа и написал домой письмо. Написал и бросил в фанерный почтовый ящик у пионерской комнаты.

А на другой день, на вечерней линейке, – как гром среди ясного неба!

Впрочем, сначала линейка шла как обычно: рапорта, итоги, благодарности дежурным по кухне. Потом взял слово директор. Это было тоже привычно: он часто выступал на линейках.

На этот раз он говорил о тех, кто самовольно уходит из лагеря в лес, на речку, в поле. Невысокий, кругловатый, энергичный, он стоял у мачты с флагом и при каждом слове резко дергал устремленным вниз указательным пальцем – словно кнопки нажимал или неумело печатал на большой пишущей машинке.

Слова директора были привычные и скучные:

– Отдельные безобразные случаи превратились в систему... Администрация будет вынуждена... Есть меры, которые заставят нарушителей...

Потом он передохнул и заговорил попроще:

– Ну чего вам не хватает? Территория благоустроенная, аттракционы всякие. Порядок надоел? Так ведь порядок этот не назло вам, а чтобы избежать несчастных случаев. Вам бы все скакать, а мы, взрослые, отвечаем. Понимаете? От-ве-ча-ем! Совести у вас нет, вот что. Безобразничаете, а потом еще жалуетесь родителям. Приезжайте, мол, заберите отсюда, а то как в тюрьме...

– А кто жалуется? – насмешливо спросили из рядов.

– Да есть такие... «Папа, приезжай, а то все плохо. На рыбалку нельзя, купаться нельзя...» А тонуть можно, я спрашиваю?

Серёжа в первый миг почувствовал себя так же, как при стычке с «мушкетерами», когда они издевались над его сказкой. А потом стало ему тоскливо и очень одиноко. И уже ничего не боясь, он спросил:

– Это вы про мое письмо говорите?

– А что? – ответил директор. – Может быть, я говорю неправду?

– Значит, вы его читали?!

– Может быть, ты хочешь сказать, что я лгу? Я могу прочесть письмо на линейке.

И тогда при напряженном молчании отрядов, в ясной вечерней тишине, когда не колышутся листья и флаги, все до единого человека услышали Серёжины слова:

– Но ведь это подлость!

– Понимаете, Алексей Борисович, я совсем не хотел нагрубить, – сказал Серёжа. – Ну нисколько. Так получилось. Просто другого слова не нашлось. А он раскричался, конечно: «Хулиган, как ты смеешь! Раз тебе наши порядки не нравятся, убирайся из лагеря! Чтоб твоего духу здесь не было!» Ну, я сказал «хорошо» и ушел. С линейки ушел и хотел сразу на станцию идти, но уже поздно было, сумерки.

– И страшно, – добродушно уточнил Алексей Борисович.

– Ну... да. Не потому, что вечер, я темноты не боюсь. Просто на станции стали бы спрашивать: куда один едешь ночью? В общем, я переночевал, а утром ушел. Хорошо, что чемодан был не на складе, а под кроватью: я его как раз взял со склада, чтобы рубашку сменить...

– Никто не знал, что ты уходишь?

– Я Димке сказал, чтобы предупредил всех. Я рано ушел, на рассвете...

...На рассвете он проснулся, будто по сигналу. В окошке, за черными соснами, розовели клочковатые облака. Серёжа неслышно оделся, подхватил чемодан и курточку, отодвинул на окне марлеву занавеску и прыгнул на песок.

Осторожно прошел он вдоль всего корпуса к самому крайнему окошку. У этого окошка, в палате шестого отряда, спал Димка.

Оконные створки были распахнуты. Видно, утренний холодок донимал Димку, и он завернулся в одеяло по самую макушку. Торчал только затылок с пшеничными растрепанными волосами.

– Дим, – позвал Серёжа и лег животом на подоконник.

Димка не пошевелился, лишь волоски на затылке вроде бы насторожились, как маленькие антенны.

– Ди-ма...

Димка откинул одеяло и сел. Поморгал. И внимательно, будто и не спал, посмотрел на Серёжу.

– Я ухожу. Домой уезжаю. Ты скажи водителю... и всем, кому надо.

– Насовсем уезжаешь? – шепотом спросил Димка.

– Насовсем. Что ж теперь делать?

– Правильно, – серьезно сказал Димка. – Только жалко... Костя уехал, ты тоже.

– Что же теперь делать? – снова сказал Серёжа.

– Я понимаю...

– Я тебе письмо напишу, – пообещал Серёжа.

Димка растянул в улыбке большие губы.

– Ты длинное напиши, чтобы долго читать. Ладно?.. – И тут же насупился. – Нет, не надо. Это письмо, наверно, тоже распечатают. Ну их...

– Я так заклею, что никто не распечатает, – пообещал Серёжа. – Ну, ты ложись. Спи, рано еще.

Димка кивнул, но продолжал сидеть.

– Спи, Дим... Укладывайся.

Димка лег на спину, но продолжал во все глаза глядеть на Серёжу. Серёжа до подбородка натянул на него одеяло.

– Ну, я пошел.

Короткая хлесткая злость на директора, на его «мушкетеров», на всех, из-за кого пришлось уезжать из лагеря, обожгла Серёжу. Он резко оттолкнулся от подоконника и зашагал к забору. Он успел еще заметить, что Димка снова сел и смотрит вслед. Но оглядываться не стал. Потому что все равно нужно было уходить. О том, что можно остаться, он даже не думал.

Лагерь спал таким глубоким сном, что можно было никого не опасаться. Но все-таки Серёжа не пошел к калитке: сторож мог и проснуться. Доказывай тогда, что он не убегает, а просто уходит, потому что... В общем, сторожу трудно что-нибудь доказать.

Серёжа пробрался сквозь колючки к забору. Серые головки репейника приклеились к брюкам, острый сучок разорвал штанину. Серёжа отодвинул в заборе доску, и открылась щель. От нее убегала тропинка...

7

– Да-а. Заварил ты кашу, – сказал Алексей Борисович. – И знаешь что, Сергей? Тебя будут обвинять в дезертирстве. Скажут, не уходить надо было из лагеря, а доказывать свою правоту, раз уж ты уверен, что прав.

– Кто скажет?

– Да кто угодно. Ребята. Или тот же начальник лагеря.

Серёжа медленно покачал головой:

– Я не дезертир. Я не из-за трусости ушел. Просто противно стало. А доказывать там некому. Одни смеются, другим все равно. Ведь знают, что нельзя чужие письма читать, а молчат... А Тихон Михайлович тоже... Ну что я ему докажу? Он думает, что с ребятами что хочешь можно делать!

– Сейчас он так уже, наверно, не думает, – заметил Алексей Борисович.

Серёжа осторожно поднял на него глаза.

– А вы... не думаете, что я дезертир?

– Нет, – сказал Алексей Борисович и почему-то нахмурился.

Потом он спросил:

– А почему этого Тихона Михайловича так разозлило письмо? Что ты там такого понаписал?

– Да ничего особенного! Вот посмотрите! – Он вытащил из кармана помятый конверт.

– Постой, Серёжа. А откуда оно у тебя? Разве начальник вернул его?

– Физрук отдал... Ну... он меня тут догнал, уговаривал вернуться.

– Понятно. Это тот гражданин, с которым ты беседовал, когда я подходил к станции?

– Тот самый...

– Так... Значит, можно почитать письмо?

– Читайте, пожалуйста.

Алексей Борисович вынул из конверта большой коричневатый лист в крупную клетку. И удивленно глянул на Серёжу.

– А где ты взял такую бумагу?

– Да в лагере ее сколько угодно. Это такие конторские книги, мы из них отрядные дневники делали. А что?

– Да так, любопытно...

И он стал читать.

Серёжа придвинулся и тоже стал перечитывать знакомые строчки.

Здравствуйте, папа,

тетя Галя и Маринка!

У меня все в порядке. Здоровье хорошее. Один раз ногу подвернул на футболе, но уже прошло. Недавно мы ходили в поход с палатками. Только ночевать не стали, потому что возжатая испугалась грозы. А еще будет военная игра. Но знаешь, папа, если по правде писать, то мне здесь не нравится. Сначала понравилось, потому что был один хороший возжатый и костры были. Но он уехал. Теперь скучно. Хотел я подружиться с ребятами, только пока не получается. Я один раз сказку рассказал, чтобы интереснее было. А они смеются теперь. Знаешь, папа, лучше бы ты приехал за мной. Лучше бы мы с тобой и Наташкой поехали на рыбалку, а то все только собираемся и собираемся. И никак не получается, чтобы вместе. А здесь даже и не порыбачишь. Одному на речку не дают нос сунуть, а когда целая толпа, то тут уж не до рыбалки. Даже и не искупаешься как следует, потому что только залезешь и уже велят обратно.

Ты не думай, что я жалуюсь. Если надо, я проживу всю смену. Но ты ведь просил писать честно, вот я и пишу честно. Лучшие бы ты приехал за мной. Здесь знаешь почему плохо? Потому что каждый день одно и то же! А если плохо, то зачем?

Но если ты не можешь, не приезжай.

Тетя Галя, можно, я сменяю свои польские штаны на трехцветный фонарик? Они мне все равно велики и сваливаются, а тому мальчику, у которого фонарик, они как раз.

Пусть Маринка не лазит в мой ящик без спросу, а то у меня там пистоны и острый циркуль с иглками.

До свиданья.

Ваш Серёжа.

Письмо было написано на развернутом листе, вырванном из конторской книги. Одна половинка листа осталась чистой.

– Можно, я возьму эту бумагу? – спросил Алексей Борисович. – Здесь ничего не написано.

– Возьмите, конечно!.. А зачем?

– Да так, пригодится. В морской бой можно поиграть, тут клетки подходящие. До поезда все равно еще много времени. Ты умеешь играть в морской бой?

Серёжа снисходительно усмехнулся.

– Ну и отлично! – Алексей Борисович аккуратно оторвал листок, а письмо отдал Серёже.

– А вы... – нерешительно сказал Серёжа. – Вы ведь сейчас прочитали. Как вы думаете, что в нем... такого?

– «Такого» ничего.

Серёжа сунул письмо в конверт, а конверт – в карман своих просторных брюк. Алексей Борисович глянул мельком и спросил:

– Не успел поменять штаны на фонарик?

– Не успел, – вздохнул Серёжа. – Да тетя Галя, наверно, и не разрешила бы.

– А тетя Галя... она кто? Твоя тетя?

Серёжа просто сказал:

– Она – папина жена. Мама у меня умерла.

– Извини, брат. Перестарался я со своим любопытством.

– Ну, а что ж такого, – спокойно откликнулся Серёжа. – Конечно, непонятно: папа и тетя Галя... – И вдруг спросил: – А вы были в Сибири?

– Был.

– Мама в Сибири умерла. Поехала в командировку к геологам и простудилась. Быстрая какая-то простуда. Врач на вертолете прилетел, да уж поздно... Алексей Борисович! – Серёжа глянул так, будто очень о чем-то просил. – Это шесть лет назад было. Может, вы встречали маму?

Алексей Борисович покачал головой.

– Нет, малыш. Не хочу я тебя обманывать, не встречал. Я бы запомнил такую фамилию.

– А у мамы другая фамилия – Ласкина.

– Нет, Серёжа. Не знаю... Сибирь громадная. Где это было?

– Где нефть. Под Сургутом.

– В тех краях я бывал. Да разве всех запомнишь? Может быть, и встречались когда-нибудь.

Почти шепотом Серёжа сказал:

– А у меня карточка есть. Хотите, покажу?

– Покажи, конечно.

Из нагрудного кармана курточки Серёжа достал блокнотик и вынул из него фотографию. Она была размером с карманное зеркальце.

Алексей Борисович положил снимок на ладонь. Посмотрел полминуты и снова покачал головой:

– Нет, Серёжа. Я запомнил бы... Красивая у тебя мама. И молодая совсем.

Серёжа кивнул:

– Двадцать четыре года. Я ее хорошо помню, хотя мне всего пять лет было.

– И карточка всегда с тобой?

– Всегда.

Он вложил снимок между страничками и спрятал блокнот в карман.

Морской бой – игра нехитрая, но тоже требует умения. Алексей Борисович один раз уже потерпел полный разгром и теперь слегка нервничал.

– Не понимаю, как ты ухитряешься? По теории вероятности шансы у нас должны быть примерно равные... Слушай, а ты не подсмотрел?

– Да честное пионерское! Просто у меня особый способ... Дэ-один...

– А, вот тебе и способ! Промазал! Жэ-семь.

– Мимо. Е-три.

– Тыфу, черт! Угробил канонерку. Бей еще... Ты что, Серёжа?

А Серёже сразу стало не до канонерок. Он увидел, как на дороге затормозил лагерный «газик». И от машины к станции шагал по заросшей тропинке сам Тихон Михайлович Совков.

– Ну вот, – тоскливо сказал Серёжа. – Директор приехал.

Алексей Борисович быстро оглянулся.

– Ишь ты, – непонятно сказал он.

Серёжа сидел сощурившись и сжав губы.

– Начнется теперь все снова, – шепотом сказал он.

– М-да... – неопределенно откликнулся Алексей Борисович.

Серёжа думал, что он заступится, а он «м-да».

Серёжа резко сказал:

– В лагерь я все равно не поеду.

– Смотри. Это в конце концов твое дело.

– Не поеду я! – повторил Серёжа.

Алексей Борисович вдруг улыбнулся.

– Ну а если не поедешь, тогда зачем нервничать? Давай играть дальше. Посмотрим, что будет.

И было вот что.

Начальник лагеря подошел и остановился, выжидающе глядя на Серёжу.

– Вэ-один, – напряженным голосом сказал Серёжа.

– Может быть, Каховский, ты обратишь на меня внимание? – спросил Тихон Михайлович.

– Я обратил, – сказал Серёжа. – Вэ-четыре, Алексей Борисович.

– Может, ты хотя бы поздороваяешься? – спросил директор.

– Здравствуйте... Мимо, Алексей Борисович. Вэ-шесть...

– Вляпал, – с сожалением сказал Алексей Борисович. – В подводную лодку. Ловко у тебя получается.

– У меня способ. Нащупывание огнем...

– Гражданин, я, кажется, разговариваю с мальчиком, – с достоинством произнес товарищ Совков. – Я просил бы не мешать.

Алексей Борисович поднял на него добрые свои зеленоватые глаза.

– Разве я мешаю? Бог с вами. Мне показалось, что мальчик сам... э-э... не очень охотно общается с вами.

– Этот мальчик сбежал из лагеря! – возмущенно известил директор. – Вам это известно?

Услышав слово «сбежал», Серёжа шевельнул плечом, но промолчал.

– Мне Серёжа изложил, так сказать, ситуацию, – откликнулся Алексей Борисович. – В общих чертах. Правда, не совсем так, как вы. Он сказал, что не сбежал, а ушел из лагеря. В соответствии с вашим распоряжением. Кажется, вы не сошлись во взглядах на тайну переписки? Кстати, охраняемую законом.

– При чем здесь закон? Вы что, угрожаете мне?

– Ну, что вы, товарищ начальник лагеря! – с мягким упреком воскликнул Алексей Борисович. – Ну чем я вам угрожаю, посудите сами? Разве я похож на человека, который может угрожать?

– Тогда почему вы вмешиваетесь? Собственно, кто вы такой?

– Да я и не вмешиваюсь. Я, простите, отвечаю на ваши вопросы. Кто я такой? Серёжин попутчик, вместе ждем, когда поезд придет... А вообще-то, Тихон Михайлович, я думал, что вы меня не забыли еще. Мы с вами как-то разбирали один сложный вопрос с выгрузкой овощей из вагонов. Помните? По правде говоря, я не думал, что после этой истории вы займете пост начальника пионерского лагеря. Тем более что дети чем-то отличаются от овощей.

Серёжа заметил краем глаза, что во время этой речи Тихон Михайлович начал часто мигать и лицо у него порозовело. И кислым голосом директор сказал:

– А, это вы... товарищ корреспондент. Я должен был догадаться. У вас удивительная способность возникать, где не надо.

– Ну, видите ли, тут у нас точки зрения очень разные. Когда вы считаете, что не надо, я как раз думаю, что надо.

Тихон Михайлович тяжело задышал и стал ощупывать карманы, словно искал сигареты.

«А ведь он чего-то боится», – с удовольствием подумал Серёжа.

– Да вы не волнуйтесь, товарищ Совков, – усмехнулся Алексей Борисович. – С Серёжей-то я случайно познакомился. Я в этих краях по другому письму. Понимаете, какой-то гражданин – не то Сапогов, не то Сачков – написал про председателя здешнего колхоза. Будто председатель этот – сущий жулик. Недлинное письмо, но... выразительное. Кстати, написано на такой же бумаге, как Серёжино. Хорошая бумага. Где вы ее для лагеря раздобыли, Тихон Михайлович?

Совков отступил на два шага и вздернул подбородок.

– Я вас попросил бы... Кто вам дал право делать намеки и клеить на меня ярлыки? Я не писал никаких писем. У меня с председателем отличные отношения.

– Ну и прекрасно! Тем более что не подтвердилось письмецо.

– Я не понимаю, зачем вы мне про все это рассказываете.

– Да просто так. Делюсь своими заботами. Думал, вам интересно. Учитывая вашу любовь к чужим письмам...

– Я попросил бы не вести таких разговоров при детях.

– Прошу прощения. Но ведь «дети»... – он взглянул на Серёжу, – про это все равно знают.

– Давайте закончим разговор, – сказал Совков со сдержанной обидой. – Я выполняю свои обязанности. Ребенок самовольно покинул лагерь, и я должен увезти его назад. Почему вы мне препятствуете?

– Я? Препятствую? – Алексей Борисович даже отодвинулся от Серёжи. – Помилуйте, каким образом я препятствую? Ну увозите, пожалуйста. – Он поймал растерянный Серёжин взгляд и в ответ улыбнулся глазами. – Только, Тихон Михайлович... я не понимаю, как вы это сделаете. Уговоры, мне кажется, не помогут. А применять более решительные способы вы, наверно, не станете. Тем более что человек – не теленок, на веревке не утащишь...

– Я не собираюсь применять никаких способов, – заявил Совков, поглядывая на дремлющего Нока. – Я просто приглашу на помощь милиционера.

– Ну, Тихон Михайлович, – с укоризной сказал Алексей Борисович. – Вы путаете. Это не тот лагерь, куда приводят с милицией. Кроме того, я точно знаю, что в радиусе шести километров нет ни одного милиционера, ибо участковый, товарищ Павлов, находится сейчас в Дмитровке.

Начальник лагеря перестал обращать внимание на Алексея Борисовича. Он всем корпусом повернулся к Серёже, слегка наклонился и стал говорить настойчиво и в то же время добродушно:

– Ну вот что, Каховский. Надо заканчивать эту историю, ты и сам понимаешь. Давай, дорогой товарищ, забудем все эти грустные события, сядем в машину – и в лагерь. Нас дела ждут.

– Извините, Тихон Михайлович, я не поеду. Я же сказал, – негромко, но твердо проговорил Серёжа. Он не смотрел на Совкова. Разглядывал бумажку с нарисованной эскадрой и с нетерпеливой досадой думал: «Когда он наконец уберется?»

– Видали его! – уже без всякого добродушия воскликнул Совков. – Он «сказал»! Фигура! Ты думаешь, что ты лучше всех? За что ты всех нас возненавидел?

– Кого? – удивился Серёжа.

– Весь лагерь!

– Я никого не возненавидел. Просто мне в лагере не нравится!

– Не нравится сейчас – потом понравится.

– Нет, – тихо сказал Серёжа. – Все равно хорошо уже не будет... Да еще собака. Где она там будет жить?

– При чем тут собака? Я приехал не за собакой, а за тобой. Я не могу забирать в лагерь всех бродячих псов.

– Он не бродячий, а мой. Я его бросить все равно не смог бы. Раз он мой, я за него отвечаю.

– А я отвечаю за тебя! Понимаешь? За тебя! И я не имею права отпустить тебя из лагеря. Серёжа досадливо пожал плечами.

– Вы меня не отпускаете. Я сам уезжаю.

– Вот именно – сам! Самовольно! Ты думаешь, это тебе так сойдет? Не думай, голубчик. Мы и родителям сообщим, и в школу. Про все твои фокусы. И как собаку натравливал на Станислава Андреевича! За такие дела знаешь что?.. В колонию!

– Я не натравливал! Он меня схватил, а Нок зарычал!

– Эти сказки ты потом будешь рассказывать. Не здесь и не мне. Станислав Андреевич врать не будет, собака бросилась за ним вслед.

– Прошу прощения, – вмешался Алексей Борисович, – но ваш Станислав Андреевич несколько... преувеличивает, так сказать. Я как раз подходил к станции и был свидетелем этой сцены. Собака вела себя вполне интеллигентно... в отличие от Станислава Андреевича.

Совков резко повернулся к нему.

– Я не понимаю, чего вы хотите? Чтобы я отпустил его одного домой? Интересно, что вы сделали бы на моем месте?

– На вашем месте, – с жесткой усмешкой сказал Алексей Борисович, – я бы помнил, что никто не имеет права читать чужие письма. Помнил бы также, что у детей тоже есть чувство собственного достоинства, которое никому не позволено оскорблять, да еще публично. И что каждый человек имеет право порвать отношения с тем, кто его оскорбил... Возможно, это не следует говорить «при детях». Возможно, это непедагогично. Прошу извинить... А посоветовать вам я мог бы вот что: раз мальчик категорически отказался жить в лагере, надо назначить ему провожатого – пусть доставят его домой. Странно, что это вам не пришло в голову.

– Если каждый мальчишка начнет бегать из лагеря, у меня людей для провожания не хватит. У меня вожатые, а не провожатые.

– Ну, если у вас начнут бегать все мальчишки, значит, в лагере что-то не так... А о провожатом для Серёжи не беспокойтесь, я эту роль могу на себя взять, раз уж так получилось.

– Я не понимаю, зачем вам нужно в конце концов, чтобы он не возвращался в лагерь. Чего вы хотите?

– Да ничего я не хочу, – опять усмехнулся Алексей Борисович. – Просто думал вам услугу оказать, проводить мальчика.

– Знаю я ваши услуги. Они, извините, медвежьи... Каховский, я последний раз спрашиваю, ты поедешь в лагерь?

Серёжа вздохнул и молча покачал головой.

– Ну, прекрасно. Так и запишем. А про вас, товарищ корреспондент, я напишу в редакцию. О вашем поведении. Имейте в виду.

– Буду иметь в виду. Только подписывайтесь разборчиво...

Совков круто повернулся и зашагал к машине, широко размахивая руками. Нок поднял уши и смотрел ему вслед.

Хлопнула дверца машины. «Газик» подпрыгнул и запыхал по шоссе.

Серёжа с облегчением сказал:

– Кажется, все.

– Будем надеяться... Хотя должен сказать, что Тихон Михайлович Совков – человек упрямый.

– Вы его знаете, да?

– Встречались. Не всегда он был начальником лагеря.

– Вот вы сказали... про овощи. Неужели он был жулик? Он овощи воровал, да?

Алексей Борисович засмеялся.

– Да нет, Серёжа, не придумывай. Ничего он не воровал. Все это гораздо сложнее... Хитрил он, чтобы лишнюю премию получить, а из-за этого дело страдало. Вагоны простаивали, график срывался. Да ну его... Ты что приуныл?

– Я не приуныл. Все в порядке.

– Тогда продолжим? Бой еще не закончен.

– Не закончен, – вздохнул Серёжа.

8

Подошло наконец время поезда. На станции появились еще три пассажира: старичок с белой бородой и пухом вокруг блестящей лысины, румяная старушка с корзиной, в которой кто-то кричал и шевелился, и девочка – крошечная, но резвая – в красном с белыми горошинами платочке.

– Как из сказки, – сказал Серёжа. – Дед, бабка и внучка Маша.

Из-за леса выскочил зеленый поезд. На крыльце показался старик дежурный в красной фуражке и со свернутыми флажками – красным и желтым.

– Дождались, – сказал Алексей Борисович и поднялся со скамейки.

Поезд зашипел и остановился.

Двери открылись только в двух вагонах. Видно, сходить на этой станции никто не собирався, а для посадки пяти пассажиров достаточно было и двух дверей. Так, наверно, решили проводники.

Дед, бабка и внучка засеменили к ближнему вагону.

– Пойдемте в другой, – торопливо сказал Серёжа. – А то они сейчас вход закупорят, и мы не успеем.

Он подхватил чемоданчик, потянул за поводок Нока и вприпрыжку двинулся вдоль вагонов. Алексей Борисович обогнал его и широко зашагал впереди. Он первый вскочил на подножку и крикнул:

– Давай Нока!

Протянул руку, чтобы ухватить ошейник.

Позади возникла юная проводница с круглым неприступным лицом.

– Гражданин, вы куда с собакой?

Алексей Борисович оглянулся.

– Как куда? В вагон, разумеется.

– В вагон нельзя. Вы что, маленький? Правил не знаете?

– У нас билет есть! – крикнул снизу Серёжа.

– Билет ни при чем. Намордника-то нет!

– Да что вы, девушка, – вкрадчиво – сказал Алексей Борисович. – Ну зачем ему намордник? Это же еще совсем щенок.

– А нас не касается, щенок это или нет. Намордники для всех обязательны... Гражданин, кому я сказала! Не смейте втаскивать собаку, я не пушу.

– Ну, что нам делать-то? – взмолился Алексей Борисович. – Не бросать же пса! Сердце-то у вас есть?

– Сердце здесь тоже ни при чем. Если контролер по вагонам пойдет, ему до моего сердца дела не будет. Я из-за вас премии лишусь.

– Да пока контролер пойдет, мы какой-нибудь намордник сообразим!

– Вот сначала сообразите, а потом садитесь в поезд... Сойдите с подножки, гражданин. Слышите, отправление дали? Или оставьте собаку.

Алексей Борисович взглянул на Серёжу.

– Нет, – шепотом сказал Серёжа и обхватил Нока за шею.

Алексей Борисович чертыхнулся и спрыгнул на землю. Проводница старательно закрыла дверь. Вагон лязгнул и пошел, наращивая скорость.

– Фу-ты, как глупо вышло. Юная бюрократка... И не придерешься ведь, инструкцию соблюдает, – сказал вслед вагону Алексей Борисович.

Серёже было очень стыдно. Ну как он не сообразил, что нужен намордник! И Алексей Борисович из-за него остался...

– Вам надо было ехать, – проговорил Серёжа. – Я виноват, вот и сидел бы здесь. А теперь вы из-за меня застряли.

– Ну, брат, что за чепуху ты говоришь, – недовольно произнес Алексей Борисович.

Серёжа виновато помолчал и спросил:

– А что теперь делать?

– Ну, что делать... Сначала намордник. Потом еще раз сыграем в морской бой. Через полтора часа, насколько я помню, должен еще поезд быть... Только вот есть хочется. А? Что за станция, даже завалящий бутерброд купить негде. Прямо хоть ремень жевать начинай. У тебя кожаный?

Серёжа улыбнулся все еще виновато.

– Кожаный. Только его жевать нельзя. Из чего тогда намордник делать?

– А может быть, от моего аппарата возьмем ремешок для намордника? У меня в портфеле фотоаппарат. Жалко, конечно, но... с тебя же штаны свалятся, если ты ремень снимешь.

– Нет, что вы, не надо от аппарата! – даже испугался Серёжа. – Да пусть они свалятся, у меня другие есть. А эти я под мышкой понесу, раз они в чемодан не влазят.

– Попробуем в мой портфель затолкать, – решил Алексей Борисович.

Они вернулись к скамейке. Алексей Борисович забрал у Серёжи ремень, моток проволоки и ножик. Он сказал, что никогда в жизни не делал намордников и хочет попробовать. Подозвал Нока и стал обмерять ему морду. Нок мотал головой и дергал ушами. Попробовал даже улизнуть, но Алексей Борисович ухватил его за ошейник.

– Стой спокойно ты, беспризорник... Никакой культуры в тебе, никакого воспитания. Вот нацепим намордник, сразу почувствуешь, что такое дисциплина.

Серёжа переоделся, вместо брюк надел синие шорты от пионерской формы, а заодно сменил рубашку, которую помял и перемазал, когда возился с Ноксом. В коротких штанах и белой футболке он сделался тоньше и словно повыше ростом. И стал похож немного на того мальчика с жеребенком. Особенно когда подошел к Ноку и взял его за шею. Правда, Нок совсем не был похож на изящного жеребенка.

– Отпусти его, пусть побегает, – сказал Алексей Борисович. – Может быть, он себе что-нибудь съестное отыщет.

Серёжа отпустил. Нок отошел, но искать ничего не стал, а сел и с укоризной поглядел на Серёжу: «Эх ты, хозяин. Взял, а не кормишь».

Подошел старичок в красной фуражке, дежурный по станции. Спросил с интересом:

– Что это вы, граждане пассажиры, не уехали? Понравилось, видать, у нас?

– Да вот так получилось. Из-за этого пассажира. – Алексей Борисович кивнул на Нока.

Тот сидел в трех шагах и чесался с такой силой, что от него разлетался ветер.

– Не пустили без намордника, – объяснил Серёжа.

– Правило такое существует, – сказал старичок сочувственно. – А вообще-то как повезет. На кого, значит, наткнешься. Когда пустят, а когда нет... А сейчас, я думаю, для вас, граждане, самый правильный выход – это шагать до тракта да ловить попутку до города. Ежели только вы, конечно, ночевать не расположены.

– Это почему же ночевать? – встревожился Алексей Борисович. – А поезд?

– А какой же поезд, милый ты мой? Сегодня поездов в ту сторону больше не будет.

– Как же не будет? А в шестнадцать двадцать девять? Я же на прошлой неделе ездил на нем.

– Э-э, вон ты про что! Ты это в субботу или в воскресенье ездил. Это точно. Есть такой поезд по выходным дням. Дополнительный, значит, чтобы дачников возить. А сегодня нету.

– Ну, дела-а... – сказал Алексей Борисович, жалобно глядя на Серёжу. – Все, брат, одно к одному.

– Все из-за меня, – убитым голосом произнес Серёжа.

– Нет, Сергей, ты эти речи брось, – тут же воспрянул Алексей Борисович. – Что ты, в самом деле, сразу нос опускаешь... Давай думать. Значит, так: на шоссе нам идти не стоит. Мало надежды. Грузовики нас не возьмут, их за это автоинспекция греет. А в легковую машину нас, такую компанию, тоже никто не пустит.

– Может быть, пешком? – робко предложил Серёжа.

– Шестьдесят-то верст! Да на голодное брюхо... Нет, брат, это не та романтика.

– Это верно, – вставил слово дежурный. – Пешком – это не тот фасон. Так что самое вам хорошее дело – сходить в поселок, в столовую, да остаться ночевать. Ежели негде, то я могу вас у себя устроить, раз уж так случилось. Глядите, в общем... – Он вздохнул и пошёл к домику.

– Спасибо, – сказали ему вслед Серёжа и Алексей Борисович.

Затем Алексей Борисович решительно встал.

– Ночевать нам, Сергей, не годится. Мне вечером надо быть дома. Да и тебе не стоит зря болтаться здесь... Есть один способ. Хватай чемодан, и пошли. Только быстренько!

Он затолкал в карман почти готовый намордник Нока, взял портфель и куртку и, не говоря больше ни слова, зашагал куда-то через кусты, через канаву, прямо в поле.

– Нок, за мной! – крикнул Серёжа. Схватил свой чемоданчик и бросился догонять Алексея Борисовича.

9

Они шагали гуськом по тропинке, которая то и дело терялась в траве. Позади, рассеянно вертя головой, семенил Нок. Под носом у него пролетали желтые бабочки, и Нок шелкал пастью.

Алексей Борисович шел впереди. Он оборачивался и объяснял на ходу:

– На реке, километрах в полутора отсюда, стоит на приколе баржа. К ней иногда катера швартуются. Если какой-нибудь мимо пойдет – посигналим. Может, повезет нам. Катер, конечно, не экспресс, но в сумерках до города, возможно, доберемся... Ну а если не повезет – что ж, будем считать, что у нас еще одно приключение.

Слово – удивительная вещь. Если скажешь «неудача», кисло на душе делается. А если скажешь «приключение», то сразу веселее. Серёжа догнал Алексея Борисовича и зашагал рядом – не по тропинке, а прямо сквозь траву.

Травы цвели. Высоко, иногда у самых Серёжиных плеч, качались длинные розово-лиловые свечки иван-чая. Желтел в путанице листьев львиный зев-смешные цветки, похожие на щенячьи мордочки. Чиркали по Серёжиным локтям головки мелких белых соцветий, у которых мало кто знает названия.

Путешественники незаметно перевалили плоский пригорок, и когда Серёжа оглянулся, то уже не увидел станции. Только башенка с петухом торчала среди травы.

Иногда открывались лужайки с темно-красными головками клевера. Над клевером неподвижными мохнатыми шариками висели шмели. Неторопливо пролетела очень крупная коричневая бабочка «павлиний глаз».

Нок не выдержал, гавкнул и бросился в погоню.

– Несolidно он себя ведет, – с улыбкой сказал Алексей Борисович.

А Серёжа с беспокойством следил за Ноком: не слопал бы пес в самом деле такую симпатичную бабочку.

Не слопал, не догнал. И, виновато моргая, вернулся к хозяину.

– Будешь пиратничать – намордник наденем, – пообещал Серёжа.

Нок дурашливо фыркнул и замотал головой. К морде прилипли травинки.

– Смотрите, Алексей Борисович, он траву ел! Говорят, если собака траву ест, значит, дождь будет.

– Да нет, едва ли. Это он просто с голоду. Я и сам готов подорожник жевать. А дождя не должно быть, небо вон какое хорошее.

В небе замерли желтовато-белые груды облаков, которые никогда не закрывают солнца и не грозят ненастьем. Ветра совсем не было. В прогретом воздухе стоял густой запах луга. Солнце припекало плечи.

– Придем к реке – искупаться можно будет, – мечтательно сказал Серёжа.

Реку еще не было видно. Она лежала ровень с низкими берегами. Темные полосы прибрежных кустов и высокие травы закрывали воду. Лишь изредка пробивался вдали сквозь зелень синевато-стеклянный блеск.

Но вот кусты приблизились, расступились. Сразу же распахнулась перед путешественниками голубая вода с отраженными облаками. Нок бросился к песчаной полоске, ступил в воду передними лапами и принялся лакать с таким усердием, что внутри у него забулькало.

– Алексей Борисович, я окупусь, можно? – заторопился Серёжа. – Мы с Ноком. На минутку.

– Подожди-ка, дружище, – быстро сказал Алексей Борисович. Он смотрел вдоль берега. – Постой-ка. Нам, кажется, повезло больше, чем я ожидал. Пошли. Ты видишь?

В сотне метров от них стояла на отмели баржа, а к ней приткнулся бортом крупный катер с белой рубкой и тонкой мачтой.

– Поднажмем, – сказал Алексей Борисович, и они «поднажали».

Нок припустил за ними – по самой кромке воды с плеском и брызгами.

– Точно, – отдуваясь, произнес Алексей Борисович, когда различимы стали белые буквы на корме – «Азимут». Ну, как здорово, честное слово!

По тонкой сходне они поднялись на баржу. Здесь пахло отсыревшей деревянной обшивкой бортов, сухими досками палубы и дегтем. Нок медленно переступал и повизгивал: нагретые доски обжигали лапы.

– Не ходи босиком, – мельком сказал Алексей Борисович.

Нок обиделся и ушел в тень высокого кормового люка.

Катер был ниже баржи. Алексей Борисович перегнулся через борт и позвал:

– Эй, на крейсере!

Из рубки выбрался широколицый веснушчатый парень. И заулыбался.

– Володя! – воскликнул Алексей Борисович. – Ну как я рад! Здравствуй... Серёжа, это капитан Володя. Он прошлой весной снял меня с необитаемого острова, на котором я оказался из-за происков местных браконьеров. Я там почти сутки добросовестно играл роль Робинзона.

– Да вы и сейчас, мне кажется, товарищ Иванов, вроде Робинзона, – смеясь, проговорил Володя. – Хотя на что могу спорить, что до города транспорт ищете. Только не один вы сейчас Робинзон, а с Пятницей. Ага?

– Угадал. Насчет транспорта. А насчет Пятницы – это ты зря. Мы с Сергеем равноправные попутчики.

– Да я не к тому... Я про Пятницу вспомнил, потому что сегодня день-то как раз пятница.

– Ну-ну, вы опять путаете, мой капитан. Сегодня четверг.

– Вот уж тут-то я, товарищ Иванов, не путаю, – заупрямился Володя. – Я здесь стою как раз потому, что пятница. Витька, это наш новый моторист, взял на пятницу билеты в цирк на семь вечера, а к семи нам не успеть. Мы на базу, в Решетниково, запчасти отвозили, да там нас проманежили. Вот он и побежал звонить в город, девушке своей, чтобы не волновалась. Тут рядом водоразборная станция, а на ней телефон есть...

– Ч-черт, – сказал Алексей Борисович. – Как же это я? Неужели пятница? Сергей, что же ты молчал?

– Ну, Алексей Борисович, вы же не спрашивали, какой сегодня день. А разве обязательно надо, чтобы четверг?

– Да в том-то и дело. Я же в студенческом отряде корреспонденцию заказал, чтобы ребята написали про свою работу. Завтра они должны ее в редакцию привезти. Договорились, что обязательно завтра. А редакция в субботу не работает... Ах, братцы, старая перечница я стал. Склероз.

– Да что вы, товарищ Иванов, – снисходительно утешил Володя. – Склероза у вас нет. Это у вас, извините уж, просто характер такой. Помните, когда я вас с острова снимал, вы там свою сумку оставили. Пришлось назад поворачивать... А я вам вот что посоветую. Вы сходите сейчас на водоразборку да звякните по телефону в колхоз, объясните, как и что.

– А вы подождете?

– А чего ждать? Это же рядом, шагов триста. Идите вниз по берегу, там деревянный дом да кирпичная будка. Увидите... А, вон Витька идет! Вить, работает телефон?

– Работает, – буркнул хмурый долговязый Витька. – Лучше бы не работал. Она мне знаешь каких вещей наговорила...

– Ну ничего. Может, еще успеем. Хотя бы на второе отделение. Только вот товарищ корреспондент сходит в колхоз позвонит, и мы сразу врубим на всю катушку.

– Я бегом, – заторопился Алексей Борисович.

– Да вы не спешите, товарищ, – скучным голосом сказал Витька – Мне лично, по крайней мере, спешить некуда. Раз уж она сказала, чтоб на глаза не показывался, это, значит, на три дня, не меньше.

– Да-а... – сочувственно протянул Алексей Борисович. – Ну, я все-таки поспешу. Ты, Серёжа, подожди, я мигом. Кажется, кончаются наши приключения... Э, Сергей, да что с тобой?

А Серёжа стоял с опущенными руками и всем своим видом словно говорил:

«Ну что же делать, если я такой никудышный, неудачливый, несчастный и бестолковый?»

– Что случилось, Серёжа?

– Брюки-то я забыл, – шепотом сказал он. – Остались на скамейке. На спинке висят. И куртка.

– Тьфу ты... Да ладно, Сергей. Неужели они тебе так уж нужны? Куртка старая, а штаны... Велики ведь они тебе. И порваны к тому же. Разве что клеймо интересное...

– Да не клеймо... Там же письмо в кармане осталось. Найдёт кто-нибудь, читать будет.

– Досадно. Ну а, в общем-то, что в нем особенного, в этом письме? Пусть читают.

– А еще там в кармане карточка. Мамина, – совсем тихо сказал Серёжа.

– М-да...

И больше Алексей Борисович ничего не сказал. А что скажешь?

Серёжа тоже молчал. Он ясно представил, как чужие любопытные пальцы выворачивают карманы, вытряхивают медяки, нащупывают и разворачивают письмо... А потом достают записную книжку, шелестят листками. Падает на скамейку снимок. Ведь никто же не знает, что это его, Серёжина, мама. Это для него мама, а для других – просто незнакомая, чужая женщина. И бросят ненужную карточку в траву...

Серёжа наклонился над бортом баржи.

– Товарищ капитан, – звонящим голосом сказал он Володе. – Я очень быстро сбегая. Можно, а? Я бегом. Тут же недалеко!

– Да что случилось-то? Товарищ Иванов? – забеспокоился Володя. – Чего это парнишка расстроился?

– Имущество кой-какое забыли на станции, – виновато объяснил Алексей Борисович. – Ну, не везет как по заказу.

– Да пусть малец сбегает, – сказал моторист Витька. – Это же дело-то пустяковое: туда и обратно километра три, не больше. За полчаса обернется. А нам теперь и подождать можно, чего уж...

– Подождем, – решил Володя.

– Жми, Сергей, – сказал Алексей Борисович. – Собаку возьмешь?

– Нет, придержите ее, пожалуйста. Один я быстрее...

По правде говоря, он опасался, что вдруг на станции появятся поселковые ребята и предъявят на Нока права. Лучше не рисковать.

Он прыгнул на сходню, на берег и помчался так, что трава засвистела у ног.

Алексей Борисович удержал за ошейник встревоженного пса и сказал Володе:

– Славный парнишка... Вот сегодня утром я еще не знал, что есть он на свете. А сейчас будто вместе тысячу верст прошагали.

– Пацаны – они народ такой. К ним привязываешься, – согласился Володя. – Я прошлым летом две смены вожатым в лагере работал, от райкома комсомола. А потом отказался. Потому что как начинают разъезжаться по домам – будто от сердца отдираешь.

Алексей Борисович кивнул и отвернулся. У него болели глаза: перед этим он смотрел вслед Серёже, а тот убегал в сторону солнца. Чтобы глаза отдохнули от блеска, Алексей Борисович стал смотреть на северный берег. Там были луга, пестрые домики, синий бор на гори-

зонте, а перед ним – кудрявый березовый лес. За тем лесом прятался лагерь, где начальником Совков Тихон Михайлович.

Из леса выскочил серовато-голубой «газик» и запыхтел по дороге к мосту.

– Однако... – сказал Алексей Борисович. – Володя! Нет ли у тебя бинокля?

10

Еще издали, с пригорка, Серёжа увидел, что брюки и куртка по-прежнему висят на спинке скамьи. Осталось пробежать немного, перепрыгнуть заросшую канаву, проскочить кустарник – и вот скамейка.

Он перепрыгнул канаву. Но когда перед ним оказались кусты, оттуда, из засады, вышли четверо.

Это были, конечно, враги. Гутя, Витька Солобоев, Женька Скатов и Пудра.

– Гы... – сказал Пудра. – А вы говорили, уехал. Вот он, вовсе и не уехал даже. Ага.

– Привет, – насмешливо сказал Гутя. Он был, как всегда, красив и аккуратен, даже складочки на шортах отутюжены. Остальные трое были встрепанные и вспотевшие, а Гутя даже причёску не разлохматил. Он вертел в пальцах одуванчик с пушистой головкой и улыбался.

Серёжа сделал ошибку. Ему бы сразу шарахнуться назад, за канаву, а там еще посмотрели бы, кто быстрее бежит. Но он решил проскочить строй врагов, схватить со скамейки вещи и потом уже броситься к реке.

Не успел. Сразу шесть липких ладоней ухватили его за голые локти, за кисти рук. Серёжа рванулся, конечно, да толку мало. Его трое держали, и каждый был сильнее Серёжи.

– Не дрыгайся, силы береги, – сказал Гутя. – Еще до лагеря четыре километра топать, а ты, наверно, не обедал, бедненький.

– Ну, чего пристали?! – отчаянно крикнул Серёжа. – Я что вам сделал?

– Нас из-за тебя на речку не пускают и в лес, – объяснил ему из-за плеча Витька Солобоев. Он дышал Серёже прямо в ухо, и от него пахло грушевым компотом.

– Я-то здесь при чем?

– А говорят, что если отпускать, то все начнут разбегаться, как ты. Ты больно хитрый. Сам – до хаты, а мы сидеть из-за тебя в палатах должны?

– Врете вы все, – убежденно сказал Серёжа. – Вас директор послал.

– Ладно, это не твое дело, – сказал Гутя. Он один из всех не держал Серёжу. Прохаживался перед ним. Помахивал одуванчиком. А в другой руке у него был маленький газетный сверток.

– Я в лагерь все равно не пойду, – убежденно сказал Серёжа.

– За уши потащим, – пообещал Гутя.

«Ох, ну почему я не взял Нока?» – подумал Серёжа. И сказал:

– Надорветесь.

– Справимся.

– Вы права не имеете. У меня же вещей нет, они на берегу остались.

– А собака? – спросил Женька Скатов.

– Тоже на берегу! – ответил Серёжа и спохватился: «Не надо было говорить. Если бы думали, что Нок близко, может, испугались бы...»

– Вот и хорошо, – обрадовался Женька. – Дай, Гутя, колбасу, я ее вместо собаки съем. А то все равно Солобоев слопает, ему сегодня добавки не дали...

– Дурак, – сказал Гутя и зашвырнул сверток в кусты. – Не знаешь, что ли, что в этой колбасе?

– Не знаю, – растерянно отозвался Женька. – Я еще на кухне откусить хотел. А что?

– Дурак, – опять сказал Гутя.

«Неужели иголку сунули? – подумал Серёжа. – Нок ведь не знает еще, что у чужих брать нельзя. Нет, хорошо, что он там».

И сказал:

– Живодеры.

– За живодеров поимеешь, – пообещал Гутя. – В лагере. Ладно, пошли.

Серёжа опять рванулся.

– Не пойду я! Меня там люди ждут! Катер!

– Гы, адмирал, – сказал Пудра. – Глядите, парни, катер его ждет...

Остальные загоготали.

– Не волнуйся, деточка, – сказал Гутя. – За тобой в лагерь персональный самолет при-
шлют.

– Вы еще за это ответите, – пообещал Серёжа. – У меня там чемодан. Если вам за меня
ничего не будет, за вещи вы все равно ответите.

На Гутином лице мелькнуло сомнение. Но тут вмешался Пудра:

– А на кой нам твой чемодан? Нам про него ничего не сказали. Может, ты его куда выбро-
сил или запрятал, а мы искать обязаны? Нам не чемодан ведь, а тебя велели в лагерь притащить.

– Ага! – крикнул Серёжа. – Велели! Я же говорил!

– Ладно, заткнись, – буркнул Гутя.

– Жандармы вы, вот кто, – сказал Серёжа с закипающей яростью и бесстрашием. – Точно!
Полевая жандармерия.

– Ну, ты... – медленно произнес Гутя и пушистой головкой одуванчика ткнул Серёжу
в губы. А облетевшим стеблем стеганул его по носу. – За жандармов ты особо получишь, по
первому разряду.

Серёжа мотнул головой и сплюнул прилипшие семена.

– Все равно жандармы, – сказал он. – А кто вы? Хорошие люди, что ли?

– Ладно, тащите его, парни! – скомандовал Гутя.

Серёжу рванули вперед. Он уперся пятками, но кожаные подошвы сандалей заскользили
по траве. Серёжа постарался зацепиться за куст, но только зря расцарапал щиколотку.

Ну почему так устроен человек? И не боится он, и боли особой не чувствует, а только
злость, и плакать совсем не хочет, а слезы сами по себе закипают где-то в глубине и грозят
прорваться. Они еще не очень близко были, эти слезы, но Серёжа уже чувствовал их.

Вырываясь, он сказал сквозь сжатые губы:

– Зря стараетесь. Ну, притащите в лагерь, а потом что? Все равно за мной сейчас придут.
Алексей Борисович придет. И собака.

«В самом деле, – думал он, – ведь не уедет же Алексей Борисович. Все равно искать будет.
Только как он догадается, где я? И когда он до лагеря доберется?»

Гутя злорадно объяснил:

– Пусть ищут. С собакой. Там для тебя отдельная комнатка приготовлена в изоляторе.
Будешь сидеть, пока маму-папу не вызовут. А потом на линейке коленом под... Ну, в общем,
ясное дело.

– Могут и галстук снять, – пыхтя, добавил Солобоев.

– Не, – огорченно сказал Гутя. – Не снимут. Гортензия говорила, что в лагере нельзя
выгонять из пионеров. А то бы запросто.

«Если запрут, могут и не сказать Алексею Борисовичу, что я в лагере. Тогда что?» –
подумал Серёжа. И рванулся так яростно, что его чуть не отпустили. Витька Солобоев сказал,
дыша компотом:

– Ну, я так не согласен. Четыре километра его переть. Машина-то небось уехала, а мы
вкалывай. Я не лошадь.

– Чичас он сам побежит, – вдруг сообщил Пудра. – Вы его только поддержите минуточку,
я чичас...

Он отпустил Серёжу (а Витька с Женькой вцепились в него еще крепче) и побежал
к заросшей канаве. Мальчишки ждали. Серёжа видел, как Пудра натянул на ладонь обшлаг

рубашки и вырвал длинный, почти метровый стебель крапивы с темно-зелеными узкими листьями.

– Гады, четверо на одного, – сказал Серёжа и даже удивился, что ничуть не боится. И слезы больше не грозили ему. Была в нем холодная, спокойная злость, только и всего.

А Пудра улыбался большим ехидным ртом, помахивал крапивой и медленно подходил.

– Ну, побежишь? – спросил он.

– Животное, – сказал Серёжа. – Попробуй только ударь.

Пудра сильно размахнулся и стегнул его повыше колен. Серёжа закусил губу, но не двинулся.

– Дураки. Вы меня хоть огнем жгите, я вам подчиняться все равно не буду.

– Бу-удешь, – протянул Пудра и хлестнул еще раз.

Неожиданно, то ли из книжки про разведчиков, то ли еще откуда-то, вспомнились Серёже слова: «Если ударить противника под колено каблуком, можно сразу вывести его из строя...» И он без размаха, коротко, трахнул сандалей Пудру по ноге.

Пудра ойкнул, присел. Свободной ладонью зажал колено. Однако крапиву не выпустил. Глаза у него сузились, и он прошипел:

– Ну, чичас попляшешь... – и размахнулся.

– А ну, кончай, – сказал вдруг Женька Скатов и отпустил Серёжу.

Это было очень неожиданно, и Серёжа пропустил момент. Ему бы рвануться из Витькиных лап – и был бы свободен. А он прозевал, и в следующий миг его руку перехватил Гутя.

– Ты чего? – спросил Гутя у Женьки.

– А ничего, – хмуро бросил Женька. – Мучаете человека. Чего он размахался? – Женька кивнул на Пудру. – Ему бы так.

– Гы, а меня крапива не берет. Я в нее могу без штанов прыгнуть. На спор, – сказал Пудра.

– Ну и болван, – отрезал Женька. – Все вы... Собаку еще погубить хотели. Она-то при чем?

– А тебе жалко? – с досадой сказал Гутя. – Она бы тебе ноги пообглодала.

– А мне чего их глодать? Я, если б знал, с вами бы не связался... Обождите, я еще скажу в лагере, как вы его мучили...

Он вдруг повернулся, пролез через кусты и зашагал к дороге.

– Во изменник, – сказал Пудра, все еще держась за колено.

– Ему же хуже будет, – сказал Гутя.

– Хуже всех будет вам, – пообещал Серёжа. – Вы еще вспомните...

– Ой, страшно. Он сейчас маму позовет, – прохихикал Витька Солобоев.

Серёжа напряг плечи и сжал кулаки – кулаки-то у него были свободны. И Пудра, глядя на него, вдруг проговорил:

– Не-а. Он не маму позовет. Он всадников своих позовет чичас... Мюн-хавузен. Ну, зови своих всадников! – И, скривив рот, он издевательски проблеял: – Ескадро-о-он!..

Ох, если бы на самом деле были всадники! Все, что есть у него, отдал бы за это Серёжа! Полжизни отдал бы за минутное чудо, за то, чтобы гневные всадники примчались сейчас для защиты и мести. Чтобы и Гутя, и Витька, и гнусный Пудра затряслись и побелели от ужаса перед непонятной и неожиданной силой. Если бы!

И сильнее боли, сильнее обиды и злости жгучей волной поднялась в нем тоска по чуду, которого не может быть.

Ведь только совсем маленькие дети верят в сказки до конца...

Только очень маленькие дети верят в чудеса. Да еще старые, много пожившие люди утверждают, что чудеса все-таки бывают. Редко-редко, но случаются. Но Серёжа-то не был маленьким ребенком. И старым опытным человеком он тоже не был. Он был просто мальчик и твердо знал: на свете не бывает чудес.

И он изумился и вздрогнул почти так же, как его враги, когда в полыхании рыжих грив и с глухим громом подков пятеро кавалеристов вылетели на поляну и встали полукругом.

И самый главный всадник – смуглый, белозубый, в зеленой рубашке и парусиновой буденовке с суконной голубой звездой – негромко сказал:

– Не трро-огать...

И стало тихо-тихо. Только в сбруе у лошади звякнули медные колечки.

* * *

Катер рокотал мотором и разгонял по стеклянной воде длинные волны. Вода и небо были светлыми, несмотря на поздний час. А берега кутались в сумерки.

Мигая цветными огоньками, плавно прокатывались навстречу сухогрузы и буксиры. На них играло радио.

Впереди, там, где не гасли закатные облака, поднимался город: трубы, крыши, башни и узорчатые вышки. Там тоже мигали огоньки, и становилось их все больше.

– Через полчаса причалим, – сказал Алексей Борисович. – Если больше не будет приключений. Если не сядем на рифы, не нападут пираты и не налетит тайфун.

Они с Серёжей стояли на носу у поручней. Серёжа молчал. Он не откликнулся на шутку. Смотрел перед собой и молчал.

– Сергей, – сказал Алексей Борисович. – Ты меня пугаешь, честное слово. Ты целый час будто в рот воды набрал. Что с тобой?

Серёжа повернул к нему лицо. Оранжевыми веселыми огоньками блеснул в его глазах закат.

– Я вспоминаю, – сказал Серёжа. – Вы не смейтесь, Алексей Борисович, ладно? Я вспоминаю. Как они примчались! А говорят, чудес не бывает.

Алексей Борисович взял его за плечо. На Серёжином плече, под ключицей, часто билась горячая жилка.

– Чудеса бывают, – осторожно сказал Алексей Борисович. – Собственно говоря, что такое чудо? Несколько редких случаев, совпавших друг с другом... Вот, допустим, открою я портфель и скажу: «Раз, два, три! Упави сюда метеорит!» Упадет?

– Нет, – уверенно сказал Серёжа.

– А вдруг? Ведь они все-таки падают на Землю. И если так совпадет, что катер окажется на месте этого падения? И мой портфель тоже?

Серёжа засмеялся.

Алексей Борисович сказал:

– Так получилось. Надо было, чтобы я взглянул на берег и увидел «газик», который вдруг остановился у моста и высадил ребят. Надо было, чтобы рядом оказался телефон. И надо было, чтобы в правление колхоза в тот момент зашел командир отряда Володя Малахов. Они как раз хотели ехать в Дмитровку, и лошади были оседланы... Вот и получилось чудо. Это, брат, такие ребята, что лишнее чудо сотворить не откажутся.

– А почему у них форма?

– Все студенческие отряды сейчас форму себе шьют. Каждый свою. Ты разве не видел? А эти ребята все время с конями, вот и завели буденовки, кто сумел. Красивая форма?

– Еще бы.

Серёжа закрыл глаза и снова, как в кино, увидел рванувшиеся кусты, вскинутые конские головы, вздыбленного гнедого жеребца на краю поляны, острые шлемы с голубыми кавалерийскими звездами...

«Не трро-огать!»

А потом крепкие руки, жесткое седло. Трава, летящая под копыта.

«Не трро-огать!»

Серёжа засмеялся, вцепившись в поручень.

– Как они... Будто атака! Даже я ничего не понял. А те, кто меня ловил! Они, наверно, и сейчас ходят обалделые... Нет, все равно это чудо, Алексей Борисович.

– Может быть... Но, видишь ли, Серёжа, такие чудеса случаются раз в жизни. Не чаще. И надеяться на них не надо.

– Я понимаю, – тихо сказал Серёжа. – Ну и что же? Мне и одного хватит на всю жизнь.

– Тебе... А другим?

– Другим?

– Да. А как же... Ты сейчас рад, спокоен даже. А кто-то в этот миг зовет на помощь. Ты думаешь, всадники спешат и туда?

– А что же мне делать?

– Будь всадником сам. Не обязательно на коне и в шапке со звездой, не в этом главное.

– Я понимаю, – опять сказал Серёжа.

По берегам начинался город: с цветными неоновыми вывесками на магазинах, с яркими вспышками электросварки, с желтыми квадратами окон. С тихой музыкой репродукторов. Мотор заработал тише. Стало слышно, как по-ребячьи сопит на свернутом брезенте Нок, слопавший два корабельных ужина.

– Почти приехали, – заметил Алексей Борисович.

Серёжа сказал:

– Всадникам, наверно, тоже приходится нелегко.

– Конечно. А ты испугался?

– Нисколечко. Просто я вспомнил. В прошлом году один тип у нас во дворе хотел кошку повесить. Говорил, что бродячая. А она даже не бродячая была, а просто заблудилась. Мы с ребятами вырвали и убежали. А потом нас все соседи ругали. Говорили: со взрослыми спорить не полагается.

– Ну что ж... Конечно, не полагается. Только разве всегда знаешь, что полагается, а что нет? Мне, наверно, по всем правилам полагалось отправить тебя в лагерь, а не подымать по тревоге кавалеристов. Но ты ждал всадников...

– Вы говорите, что другие ждут тоже.

– Да.

– А как узнать? Как всадник услышит, что его зовут?

– Учись, – откликнулся Алексей Борисович. – Слушай. Смотри.

Катер заглушил мотор и по инерции подходил к пирсу. Там, под яркой лампочкой, сидел маленький мальчик-рыболов.

– Эй, пацан, ноги береги! – закричал выскочивший на палубу Витя-моторист.

Мальчик вскочил, взметнул длинную удочку.

Стало совсем тихо, только журчала у борта вода.

В этой тишине Серёжа негромко сказал:

– Я постараюсь.

Часть вторая

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС СЕРЁЖИ КАХОВСКОГО

1

От пристани до самого дома Нок вел себя как дрессированный. Ни разу даже не дернул поводок. Он шел рядом с Серёжей, и тот все время ощущал ногой его косматый теплый мех.

– Нок – лохматый бок, – шепотом сказал ему Серёжа.

Пес вопросительно повернул голову. Свет, падающий от близкого фонаря, желтыми точками блеснул в его глазах.

– Скоро будем дома, – пообещал Серёжа.

Еще несколько шагов – и тогда сквозь черные тополиные ветки глянут на усталых путешественников светящиеся окошки второго этажа.

Вот они, окна.

Однако горели только два окошка – в Наташиной комнате. Стекла Серёжиных окон отражали синевато-серое небо июльской ночи.

«Может, смотрят телевизор? – подумал Серёжа. – Или спят уже? Папа так рано не ложится... А может быть, оставили Марину у Наташки и в кино ушли на последний сеанс?»

Он слегка встревожился. Во-первых, чего же хорошего возвращаться в пустую квартиру? Во-вторых, не хотелось ему откладывать объяснение с отцом и тетей Галей.

Серёжа несколько не боялся этого разговора. Но он хотел, чтобы поскорее остались позади все неприятности и все обсуждения этих неприятностей. Не надо о них вспоминать. Пускай только всадники на золотистых конях вспоминаются каждый день...

Серёжа и Нок вошли во двор. Серёжа толкнул нижнюю дверь, и они стали подниматься на второй этаж. Над лестницей горела неяркая лампочка. Потрескивали точеные старые перила. Когти Нока громко стучали по ступеням, и этот стук отдавался в железном корыте, которое висело у двери чулана. Пахло пересохшими досками, теплой пылью и древесным лаком. Это был запах пожилого доброго дома, в котором Серёжа провел все свои почти двенадцать лет... Верхняя дверь была облезшей клеенкой. Клеенка местами треснула, и в разрывах торчала пакля. На косяке весело белела кнопка. Это была обманная кнопка: звонок Серёжа и Наташка развинтили еще пять лет назад, когда строили из большой корзины и картонного ящика ледокол. Блестящая чашечка звонка понадобилась им для корабельного сигнала. С тех пор кнопку нажимали только те, кто первый раз приходил в этот дом.

Серёжа несколько раз ударил кулаком по мягкой клеенке. Бух-бух-бух... – отдалось за дверью. Сначала была тишина, потом часто защелкали подошвы, и Наташкин голос капризно спросил:

– Кто?

– Я.

– Кто "я"?

– Ну я, Сергей! Ты спишь, что ли?

Лязгнул крючок, и дверь распахнулась так стремительно, что перепуганный Нок отскочил на всю длину поводка. Наташка перешагнула порог и схватила Серёжу за локти мокрыми пальцами.

– Серёжка! Как здорово! Какой ты молодец, что приехал!

Она лишь мельком глянула на пса и даже не удивилась.

– Ой, ну как здорово! Бывают же чудеса! – повторила она и, не отпуская, потянула Серёжу в коридор.

Он совсем не считал, что его приезд такое уж чудо. Пожал плечами, втащил в коридор очень оробевшего Нока и взглянул на свою дверь. Обычно по вечерам в ней светила тонкая щель. Сейчас ее не было.

– Где наши?

Глядя счастливыми глазами, Наташка сказала:

– Да! Ты ведь ничего не знаешь!

– Ничего не знаю. Скажешь ты наконец?

– Вы квартиру получили. Три комнаты. Уже неделю назад переехали.

Это была новость. Уж чего-чего, а такого дела он никак не ждал.

– Вот так финт... – медленно сказал Серёжа. – Это значит, я здесь уже не живу?

Она вздохнула:

– Значит... Ну и что? У тебя теперь будет своя комната. Ой, Серёжка, такая хорошая, просто прелесть! Окно на юг, реку видно. Обои на стенах такие веселые, голубенькие... Ты что, не рад?

– Да я не знаю даже...

Он и правда не знал. Он, видимо, просто устал сегодня от разных неожиданностей.

– А почему не написали, что новая квартира?

– Хотели тебе сюрприз сделать.

– Сюрприз... – усмехнулся Серёжа. Поглядел на притихшего Нока, потрепал ему загривок. – Я вот тоже сюрприз привез.

– Я уж смотрю... Это ты из лагеря такое страшилище везешь? Да нет, он хороший, только... больно какой-то уж непричесанный.

Нок вопросительно посмотрел на незнакомую девочку, потом на хозяина и вдруг зевнул во весь размах розовой пасти.

– Ой, – сказала Наташка.

– Она пошутила, Нок, – сказал Серёжа. – Она больше не будет, не глотай ее.

Наташка засмеялась и вдруг сразу встревожилась:

– Серёжка... А почему ты... Ведь смена только через десять дней кончится. Ой, выгнали, да?

– Сам ушел, – хмуро сказал Серёжа. – С начальником лагеря поругался.

Наташка охнула:

– Mamочка моя... А тебя отпустили?

– А я спрашивал?

– Серёжка, сумасшедший! Тебя же искать будут.

Серёжа поморщился:

– Да не будут, там знают... Я все расскажу, только потом, ладно?

Наташка тряхнула своими светлыми, коротко подстриженными волосами.

– Ну ладно. Идите в комнату, я вас кормить буду... Слушай, а у него блох нет?

– Нет... Не знаю... Не надо нас кормить, мы на катере ели. Ты адрес скажи. Мне ведь надо... домой.

– Ой, ты не уходи! – испугалась она.

– Как это «не уходи»?

– Подожди. Переночуй здесь.

– Зачем?

– Ну, зачем... Скучно же. Думаешь, приятно полночи одной дома сидеть?

– А где тетя Маша и дядя Игорь?

– В театр пошли. Опера из Свердловска приехала. А потом еще в гости к папиному знакомому.

– А тебя не взяли?

– А я не пошла.

– Почему?

– Из вредности.

– А-а...

– Конечно... Отца всю неделю просила: «Почини, почини велосипед». Он все: «Починю, починю». А сам дотянул... Все ребята на озеро сегодня уехали, а я дома осталась... Ну вот и пусть сами ходят в свой театр.

– Ну, ты тоже хороша. Дядя Игорь с утра до вечера на работе, а ты с велосипедом...

Наташка виновато шмыгнула носом.

– Он говорил: «Подожди до субботы». А в субботу его вызвали в порт. Что-то там срочное случилось. А он сейчас диспетчера порта замещает.

– Сейчас навигация в разгаре. Мы пока плыли, знаешь сколько всяких теплоходов навстречу попало... Ну, ты все-таки давай адрес, я пойду.

– Останься, Серенький... – жалобно сказала Наташка.

Вот она всегда так, если хочет подмазаться: «Не уходи, Серенький. Сделай, Серенький». Только она Сереньким его и называет.

Раньше еще мама так называла, но это было давным-давно...

– Не уйдешь, да? Я пельменей сварю, у нас две пачки в холодильнике.

Пельмени – это, конечно, вещь, но...

– Куда ты пойдешь ночью... – уговаривала Наташка. – Это далеко, за семь кварталов, на углу Октябрьской и Челюскинцев. Уже полдвенадцатого. И холодно сейчас, вон у тебя руки в пупырышках.

Вечер и в самом деле был свежий. Серёжа, пока шел от пристани, слегка озяб. Но он сурово глянул на хитрую Наташку.

– Это от твоих рук. – Он потер ладонями голые локти. – Почему у тебя пальцы мокрые и холодные? Стирала на ночь глядя?

– Это я ревела, – сердито призналась она.

– Тоже из вредности? – понимающе спросил Серёжа.

– Нет... Я боюсь одна.

Серёжа внимательно посмотрел ей в лицо. Только сейчас при свете слабой коридорной лампочки он разглядел, что глаза у Наташки красные и припухшие. Он не стал, конечно, смеяться. Никогда они не смеялись друг над другом, если одному из них было по-настоящему, до слез плохо. Если человеку одиноко и страшно, кто-то должен оказаться рядом (как сегодня на станции). Хотя, по правде говоря, Серёжа не понимал: как может быть страшно в своем доме, знакомом до последнего гвоздика?

– Ладно, вари пельмени, – сказал он.

Наташка расцвела, и они пошли в комнату.

Наташа сразу превратилась в хозяйку. Цыкнула на Нока, который хотел устроиться на пушистом половике у дивана, и показала ему место у двери. А Серёже велела умыться.

– Успеется, – лениво ответил он.

Скинул сандалии и забрался на диван. Наташа неодобрительно посмотрела на Серёжины колени, темные от земли и вьёвшегося травяного сока, но ничего не сказала. Диван торжественно гудел всеми пружинами. Гудеть так он научился еще в те времена, когда Серёжа и Наташа устраивали на нем цирковые представления с борьбой и конными скачками.

Наташа ушла на кухню. Нок опять осторожно перебрался на половик и вопросительно посмотрел на хозяина.

– Ладно, лежи пока, – шепотом разрешил Серёжа.

Усталость мягко растекалась по телу. Но спать Серёжа не хотел. Привалившись к вышитой подушке, он оглядывал комнату. Комната была такой же привычной, своей, как и те, в которых он жил. Все знакомое-знакомое: телевизор «Старт», накрытый вязаной салфеткой, черный книжный шкаф с завитушками и треснувшим стеклом, большая фотография в рамке: Наташа и дядя Игорь делают зарядку. Наташка маленькая, шестилетняя, в мальчишечьем тренировочном костюме и с громадным обручем. Дядя Игорь – с двумя двухпудовыми гирями, поднятыми к плечам, весь переплетенный мускулами, как гладиатор. И громадный.

Серёжа вспомнил, как дядя Игорь еще недавно сажал их с Наташкой на вытянутые руки и вертел, будто карусель. Только не в этой комнате, а у Серёжи, потому что у Каховских было попросторнее.

Серёже захотелось в свои комнаты. Он понимал, что пустая квартира – со следами унесенной мебели на полу, с темным квадратом на обоях, там, где висела мамина фотография, – невеселое зрелище. Но все-таки... Он встал и зашлепал босыми ногами в коридор, толкнул свою дверь.

Дверь была заперта.

– Нат, почему заперто? Открой.

– Это не мы, – откликнулась из кухни Наташа. – Домоуправление заперло. Скоро новые жильцы приедут. Какие-то Грачёвы.

– У-у... Я думал, что вы наши комнаты займете. Вам бы наконец свободнее стало.

– Да теперь уж все равно. Мы к весне тоже переедем... Твой людоед ест пельмени?

– Он все ест. Горячие только не давай, а то чутье пропадет.

Серёжа вернулся в Наташину комнату. Подошел к окну. Вид отсюда был такой же, как из его комнаты. Крыши, неяркие окна, силуэт водонапорной башни, похожий на старинный замок. Слева – темная гряда тополей, внизу – кусты рябины. За кустами – мостовая.

Она была горбатая, эта мостовая, и зимой вдоль нее ветер наметал длинные сугробы. Такие непролазные, что отцу приходилось брать Серёжу на руки, когда шли в детский сад.

Потом они с папой оказывались на широкой, очищенной дворниками улице, но папа не опускал Серёжу. Так им удобнее было разговаривать.

– Пап, разве справедливо, когда двое на одного? – спросил один раз Серёжа.

– Конечно, нет.

– А что делать?

– Ну, что делать... Выбери время, поговори с ними по очереди, один на один.

– Правильно! – обрадованно сказал Серёжа. – Светку Лапину я подожду во дворе, а Танька сегодня дежурит в группе...

– Постой-постой! Ты что же, с девочками хочешь драться?

– Я не драться, а только раз... А чего! Они сами первые...

– Неважно, что первые, – серьезно сказал отец. – Ты будущий мужчина. Настоящий мужчина никогда не дерется с женщинами, это стыдно.

– Они же не взрослые тетеньки, а девки, – обиженно возразил Серёжа.

– Не девки, а девочки, во-первых. Ты ведь Наташу девкой не называешь. А во-вторых, девочки вырастают и становятся взрослыми женщинами. Мамами, бабушками. Твоя мама тоже была девочкой. Тебе понравилось бы, если бы какой-нибудь парнишка ее отлупил?

Мамы тогда уже не было, но они всегда говорили о ней, как о живой: «А что сказала бы мама? А маме бы понравилось?»

Мама уехала и не вернулась. Потом пришла та телеграмма от незнакомых людей... Иногда Серёжу будто с размаху ударяла мысль, что мама уже никогда, совсем никогда не вернется, и тоска скручивала его, и прорывались совершенно безудержные слезы. Но он не видел маму

мертвую. А живая она улыбалась с большой фотографии и словно удивлялась: «В чем дело? Я же здесь».

Нет, Серёже ни капельки не понравилось бы, если бы какой-нибудь мальчишка задел маму хоть мизинчиком!

Но чтобы не сдаваться так легко, он проворчал:

– Мама, наверно, первая никого не стучала.

И папа согласился:

– Наверно...

Покачиваясь на папиных руках и почти касаясь губами его колючей щеки, Серёжа спросил:

– А ты маму знал, когда она была маленькая?

Папа сказал:

– Нет, Серёженька, не знал.

...Когда мама была девочкой, с ней дружил не папа, а совсем другой мальчик. Андрей. Серёжа узнал про это позже, когда была уже тетя Галя и маленькая Маринка. Он увидел однажды, как папа сидит на поленьях у горящей печки-голландки и медленно бросает в открытую дверцу письма. Писем была целая пачка. Серёжу это заинтересовало, потому что на многих конвертах он заметил красивые марки.

– Папа, это что?

– Это мамины, – тихо объяснил папа.

– Мама писала?

– Нет. Когда мама училась в школе, у нее был друг Андрей Кожин. Когда они выросли, то разъехались в разные города, и он маме часто письма писал. Даже потом... два письма пришло.

– А зачем ты их в печку?

– Куда же их? Лежат, лежат... Андрею отослать? Я адреса не знаю, на конвертах он обратный адрес не указывал.

– А что в них написано?

– Не знаю, Серёженька. Мама не говорила, а я не спрашивал.

– А сейчас почитай.

Отец покачал головой и отправил в желтый огонь еще один конверт.

– Нельзя. Чужие письма не читают без разрешения. Это нечестно.

Конверт свернулся в трубочку, и пламя взвилось над ним длинным языком.

– А марки? – шепотом спросил Серёжа.

– Марки?.. Марки можно взять.

Серёжа сел рядом с папой у гудящей и стреляющей печки. Он отрывал от писем разноцветные марки и под тонкой бумагой конвертов чувствовал сложенные вчетверо листки. Там были слова, которые больше никто никогда не прочитает. Потому что не у кого спросить разрешения, а лезть без спросу в чужое письмо – это очень скверное дело...

Заглянула Наташа, сказала, что пельмени готовы.

– Вставай руки мыть... Ой, да ты спишь уже!

– Я? Нисколько. Даже не хочется.

Серёжа поднялся и нащупал ногами сандалии. Нок принюхался к кухонным запахам и деликатно замахал хвостом.

– Папа магнитофон купил, – сообщила Наташа. – Хочешь, включу, чтобы не заснул? У нас одна такая запись есть! Мексиканский гитарист и певец...

– У нас в лагере вожатый был. Вот это гитарист! – сказал Серёжа. – От него все ребята ни на шаг не отходили. Он такую песню знал – лучше всех песен на свете! И вообще он был самый хороший вожатый.

– У нас тут недалеко тоже один человек появился. За ним тоже мальчишки табуном ходят. Он их на шпагах сражаться учит.

– Что это за человек? – встрепенулся Серёжа.

– Кажется, тренер. Или вожатый... В общем, на Красноармейской есть старый дом, вроде нашего. Его сносить хотели, а потом не стали. Там какой-то детский клуб сделался. Название «Эспада».

– «Эспада» – по-испански «шпага», – сказал Серёжа.

– Правда? В одной песенке у этого мексиканца тоже все время повторяется: «Эспада, эспада...»

– Включи, – попросил Серёжа.

Наташа вытащила из шкафа магнитофон – плоский чемоданчик, нашла на полке катушку.

– На транзисторах, – сказал Серёжа. – Какая марка?

– «Мрия». По-украински значит «Мечта».

– Слушай, Нат. Он был в пенопластовой коробке?

– Да, а что?

– Она где?

– Папа убрал куда-то.

– Можно, я ее заберу?

– Ну... ты спроси у папы. Можно, наверно. А зачем?

– Хочу одну штуку сделать... Давно хочу, да все пенопласта не могу достать. Большие плиты, которые на стройках, не годятся, они крошатся. Мне нужен плотный.

– Папа, наверно, отдаст... Серёжка, ну что все-таки в лагере случилось?

– «Что, что»!.. Написал домой письмо, что скучно. Начальник его прочитал. Начал меня на линейке ругать. Я ему говорю: «А зачем чужие письма читаете?» Он еще сильнее раскричался: «Убирайся, если тебе все не нравится!» Думал, я испугаюсь. А я убрался...

– Сумасшедший, – сказала Наташа тоном полного одобрения. – Ну, слушай запись.

Сначала защелкали кастаньеты, и это напоминало цокот копыт. Потом упруго и ритмично ударили струны. И, опять привалившись к подушке, Серёжа почти сразу увидел желтые травы и низкое косматое солнце среди облаков, похожих на рваные красные ленты. И темные всадники, медленно выплывая на круглую вершину холма, разворачивались и пускали коней в галоп.

И была уже не музыка, а встречный ветер и летящая под копыта степь...

И вдруг сквозь шум ветра и топот донеслись голоса. Папин. Вздволнованный тети Галин. Спокойный и чуть насмешливый бас дяди Игоря:

– Да вот он, «бедный странник». Спит без задних ног.

Серёжа это слышит, но пошевелиться и сказать что-нибудь не может, потому что по-прежнему видит степь и стремительных кавалеристов. И сам он – один из всадников.

Голос тети Гали:

– Я чуть с ума не сошла! Приезжает начальник лагеря, представляете – сам! Ночью. Привозит его куртку и брюки... Я думала – утонул. Оказывается, бросил вещи на станции и куда-то ускакал...

(Значит, вещи нашлись. Значит, мамина карточка, которая была в кармане, все-таки не пропала. Хорошо. А то, когда примчались всадники, он так и не успел схватить одежду со скамейки.)

Голос дяди Игоря:

– Наталья, знаешь, что этот герой отколол?

– Знаю.

– И конечно, одобряешь?

– И конечно...

Папин голос:

– Ну ладно, друзья, ничего не случилось. Галина, хватит слезы пускать. И ты, Маша, за сердце не хватайся. Одно слово – женщины.

Тетя Маша:

– Молчи уж, мужчина. Сам белее мела до сих пор.

Папа:

– Мы сами виноваты. Надо было сразу адрес ему дать.

Наташа:

– Папа, перетащи его на раскладушку. Есть он все равно уже не будет.

Дядя Игорь:

– Это можно... Граждане, а это что за чудовище? Эй, да он не подпускает! Зубы показывает!

Наташа.

– Это кто не подпускает? Я вот ему! Ну-ка брысь!

(А Наташку Нок слушается сразу. Молодец Наташка!)

Могучие руки поднимают Серёжу. (Вместе с конем.) И желтое поле, качаясь, уходит вниз.

Совсем откуда-то издалека папа говорит:

– Все понимаю... Да не спорь, Галя, ты сама знаешь, что он прав. Не пойму только: что за лошади, на которых он умчался? Просто сказка какая-то...

2

Пенопластовой коробки от магнитофона, конечно, не хватило бы на макет. Но еще одну коробку Серёже отдал Генка Кузнечик.

Теперь фасад замка был почти готов: две квадратные башни, двойная зубчатая стена между ними, в стене глубокая арка решетчатых ворот. Но работы оставалось очень много, и Серёжа мысленно дорисовывал замок. Появятся еще пять башен – круглых и шестигранных, потом – внутреннее кольцо стен, дворики, галерея и замковая церковь, сама по себе похожая на крепость. Все сооружение будет стоять на крутом холме, сделанном из папье-маше и пластилина.

Холм – зеленый, а башни и стены – как из белого мрамора. Квадратные зубцы блестят на солнце, будто пиленный сахар.

Серёжа сидел у подоконника и на игрушечной наковаленке склепывал из тонкой алюминиевой проволоки узорный флюгер для главной башни.

Сегодня был неожиданный выходной. В районо назначили какое-то срочное учительское собрание, и поэтому в трех школах отменили занятия. Объявили спортивный день. Но спортивные соревнования были не подготовлены, и участвовать в них смогли только немногие. Остальные гуляли, радуясь неожиданному отдыху.

За окошком начинался хороший день.

Начало сентября было холодным и слякотным, но в середине месяца подули южные ветры и опять пришло лето. Перед Серёжиным домом цвел пустырь. На нем год назад разломали несколько ветхих домиков. От них остались только заросшие крапивой квадратные фундаменты, а вокруг фундаментов зеленели кусты сирени и дикие яблони. Из травы смотрели шарики красного клевера и белела россыпь диких ромашек.

Пустырь тянулся вдоль всего нового дома, а дом был длиной с океанский лайнер. Говорили, что скоро перед ним разобьют сквер. Но пока никаких работ никто не вел, пустырь зарастал буйными травами, и здесь было отличное место для игр. Правда, кое-где уже нахально торчали новенькие личные гаражи и пестрели в траве какие-то огороженные клумбочки и грядки.

Из окна своей комнаты, с третьего этажа, Серёжа видел, как на старых фундаментах мальчишки играют в индейцев. Где-то шумели и футболисты, но их не было видно за кустами, а «индейцы» расположились как на ладони. Один, в помятом школьном пиджачке и синих джинсах, маленький, с растрепанной светлой головой, суетливо перебегал среди кустов: искал хорошее место для засады. «Похож на Грачёва», – подумал Серёжа. И воспоминание о Стасике неприятно кольнуло его.

Эта история случилась вчера. Дурацкая какая-то история.

На перемене перед четвертым уроком Серёжа услышал в коридоре шум, визги и рыдающий крик малыша. Недалеко от их класса находился второй "А", и там что-то случилось. Что?!

Серёжа выскочил за дверь. А за ним Генка Кузнечик и Мишка Маслюк. В коридоре голосила толпа второклассников. Впереди толпы двигалась дежурная девятиклассница Лилька Граевская, по прозвищу Мадам Жирафа, – могучая особа с тонкой шеей и маленькой головкой. Лилька тащила визжащего и ревущего малыша. Малыш извивался, пытался упасть, чтобы вырваться, скользил каблуками по паркету. И захлеб кричал:

– Пусти! Не буду! Пусти!..

Столько отчаяния было в этом крике, такой ужас был на маленьком, залитом слезами лице, что Серёжа и не помнил, как оказался на пути у дежурной.

– Не трогать!

У Лильки было очень глупое лицо. Она моргала слегка подкрашенными ресницами и все еще держала малыша за кисти рук, пытаясь приподнять его над полом.

Уже спокойнее и жестче Серёжа повторил:

– Не смей трогать.

Она могла бы одним движением локтя снести Серёжу с дороги. Но ей это, видимо, и в голову не пришло. Кроме того, рядом с ним были Кузнечик и Мишка. Она выпустила пленника, он шлепнулся на пол и, сидя, все еще повторял:

– Пусти! Пусти!

Второклассники притихли.

– Ты чего? Я дежурная, – сказала Мадам Жирафа.

– Дура ты, а не дежурная, – сказал Серёжа.

– Я дежурная, – повторила Лилька.

– Дежурная ты сегодня, а дура каждый день, – почти успокоившись, объяснил Серёжа.

– И это, к сожалению, неизлечимо, – вежливо добавил Кузнечик.

А невоспитанный Мишка Маслюк пообещал:

– Счас как дам тебе, дежурная, ниже позвоночника!..

Лилька опять заморгала.

– Хулиганы! Я к дежурной учительнице пойду.

– Иди, иди, – сказал Мишка.

Серёжа в это время наклонился над малышом, взял у Генки Кузнечика платок и начал вытирать второкласснику зареванное лицо. Это было не очень приятно, однако что делать.

– Ну, вставай, – сказал Серёжа. – Хватит реветь.

Малыш сидел, всхлипывая, и со страхом смотрел на Лильку.

– Не встану...

– Не бойся, – сказал Серёжа. – Она больше не тронет.

Он почти насильно поднял мальчишку, и тот сразу прижался к нему, вцепился в куртку. Серёжа чувствовал, как все щуплое тело малыша под форменным сукном вздрагивает от нервного озноба и всхлипов.

– За что она его? – спросил Серёжа у второклассников.

Крупный мальчик с красивыми карими глазами рассудительно сказал:

– Он сам виноват.

– «Сам виноват»! Эх вы... он же ваш товарищ.

– А Неля Ивановна говорит, что он нам не товарищ, раз так себя ведет, – все так же рассудительно сообщил кареглазый мальчик.

– Она сама велела Грачёва к директору отвести, – объяснила аккуратная кудрявая девочка. – Потому что у нее самой уже руки опускаются.

Маленький Грачёв вдруг дернулся и снова зарыдал, не отцепляясь от Серёжи. Мадам Жирафа неожиданно засопела, растолкала малышня и тяжело побежала вдоль коридора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.